

Плач по холостом рекруте Ирины Федосовой

В избе много народу. Мать вопит:

Я чего да сижу, мать бедна-бессчастливая,
Сирота теперь сижу да бесприютная,
И на брусковой сижу да белой лавочке,
И под печальным косевчатым окошечком,
И под туманной стекольчатой околенькой?
Я сижу, бедна горюша, призадумавши,
И чужих б́асенок, горюша, приослухавши!
Подивуют мне-ка д́обры эти людюшки
И посрекаются спорядныи суседушки:
«И, знать, на радости сидит да на весельице,
И на великой, знать, Господней Божьей милости:
У ей вси вкупе сердечны, видно, детушки!»
Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И што ведь при́брались народ да люди добрыи,
И не весельице у нас, да не забавушки,
И не тихии смиренныи беседашки,
И не честн́о́е у нас да пированьице!
Нонь как этим учётным долгим ѓодышком
И сочинилась грозная служба Государева,
И сволновался неприятель земли русской,
И присылать стали указы Государевы,
И собирать стали уда́лых добрых м́лодцев
Как на сходку ведь теперь да на общественну!
И тут писать стали уда́лых добрых м́лодцев
Да на этот гербовой лист-бумаженьку,
И призывать стали судьи неправосудныи
И всё ко этим ко жеребьям дубовым!
Уж как этии уда́лы добры м́лодцы
И перед Ѓоспода глаза да ведь крестили,
И Богородице молитовку творили;
И оны брали жеребия́ да тут дубовыи:
И пойти надо тут во службу Государеву!
Как сегодняшним Господним Божьим д́енечком

И хоть не скованы да рёзвы у их ноженьки,
Только сковано ретливое сердечушко;
И хоть не связаны бурлацки бёлы рúченьки,
И обрестованы указом Государевым!
Вот похаживат сердечно мое дитяtko,
И он по доброму хоромному строеньицу,
И да он буйной то головушкой пока́чивает,
Он желтыма кудёркама потряхиват,
И молодецкима-то ручками помахиват,
И он на память то словечка спроговариват,
И говорит столько скачёная жемчужинка:
«Знать, судьба моя теперь да всё несчастная,
Сустигае, видно, жизнь да неталанная,
Сустигае грозна служба Государева!
И на роду́, да видно, служба мне упíсана,
И, видно на́ делу, бурлаку, доставалася!»
Тут он смáхне свои бёлы эти рúченьки
И на бурлацку молодéцкую головушку
И на завивныи на желтые кудёрышка!
И не жалие молодецких кúдер желтых
И с горя рвет да свои желтыи кудёрышка!
Тут он смáхнет молодéцки бёлы рúченьки
Он на эту на грудь да молодецкую,
И подождет свое ретливое сердечушко:
«И не тоскуй да молодецкое сердечушко,
Не унывай да молодецкая утробушка».
И он пройдет да по хоромному строеньицу,
И он спроговóрит единое словечушко
Всим приближним спорядовым суседушкам,
Всим дружья́м да молодцам своим приятелям,
Всобину́ да душам красным скажет девушкам:
«Поглядите-тко, народ да люди добрыи,
И на печального бурла́ка на молóдого!
И как хожу я по хоромному строеньицу,
И по светлой хожу да я по свéтлице:
И я не пьян, да с горя, молодец, шатаюся,
Без воды да рёзвы ножки подмывает,
Без огня мое сердечко разгоря́ется,
Без смолы моя утроба роскипляется,

Дума думушку бурлака пошибает,
И ум за разум у бурлака забегает!
Вы простите-тко, душі да красны девушки!
Как што сдиется над дóбрым над мóлодцем,
Как возьмут да в грозну службу Государеву,
И вы вспомните, душі да красны девушки,
И спамятіте-тко бурла́ка розмолóдого,
Вы на этих горах да на искатных,
И вы на тихих на смиренных беседах!
Помолитесь-ко, старушки стародревнии,
Вы Пречистой Пресвятой да Богородице,
Штобы Господи Бладыко-Свет помиловал
Как от этой бы от службы Государевой
И возвратил бы на судиму Бог сторонушку
И рыболовушком на сине бы Онегушко,
И меня пахарем на чисто бы на полюшко,
И воскормителем желанным бы родителям!
И не тоскуй, моя родитель-родна матушка,
И ты не плачь, мое желанье, горючмы слезмы,
И ты не дай тоски к ретливому сердечушку,
И ты обидушки ко зяблоей утробушке!»
Я гляжу-смотрю, победная головушка,
И на печальное сердечно свое дитяtko:
И как не белая березка нагибается,
И не шатучая осина расшумелася —
Добрый мóлодец кручиной убивается!
Не дай Боже ведь того, да Боже Господи,
Росставаться со сердечным со дитяtkoм!
Ой, тошнехонько ретливому сердечушку!
Как детиная тоска — неугасимая,
И как жива эта разлука пуще мертвой!

Приезжают за рекрутами земские власти; мать вопит:

И прошел дёнечик теперь да не выдаюца,
И красно солнышко ко западу двигается,
И ко крылечуку судьи да подъезжают!
И тут подогнаны ступистыи лошадушки,
И не по разуму любимы хоть извощички,
И про сердечное роже́но мое дитяtko.

И по фатерушки судьи да все похаживают,
И добра молодца оны все понаряживают:
«И ты справляйся, молодец, да поскорешеньку,
И одевайся-тко, бурлак, да суровешенько,
И у крыльца стоят ступистыи лошадушки,
И отправляйся в путь-широкую дороженьку,
Ты ко славному ко городу Петровскому,
Ко приёмной полате белокаменной.
И как у мбего сердечного у дитятка
И подломились да тут резвы его ноженьки,
И подражали молодецки белы рученьки,
И поблекло его белое тут личушко,
И приужахнулось бурлацкое сердечушко,
И красота с лица у светушка стерялася,
И с горя желтыи кудерки развеваются!
И хоть одет да он во цветное во платьеце,
Хоть надеты ведь тулупы одинцовыи,
И не цветет да теперь цветно на нем платьеце
И не красит да добра молодца покрутушка,
Не согреват да кунья шубка соболиная!
Дайвольте-тко, народ да люди добрыи,
И смилосердитесь, судьи да милосердыи!
Вы возьмите золотой казны по надобью,
Вы увольте-тко на темну эту ноченьку,
Вы роженое сердечно мое дитятко!
Я удумаю, победная головушка:
Схичу-спрячу я скаченую жемчужинку
Я от этых властей немилосердых,
Я от этых судей неправосудных!
Я запру да ведь во светлу его светлицу,
Я на эту на тесовую кроваточку
Положу да на пуховую перинушку,
Принакрою соболиным одеялышком,
Призадвину я ситцевы занавесочки!
И отвечать буду судьям да я, обманывать:
«Приотправила сердечно мое дитятко!
Он ко городу уехал ко Петровскому,
И он не ждал да вас, властей ведь милосердых,
Он казенного не ждал да все извощичка!»

И пороздумаюсь победным умом-разумом:
Нынь не скроешь-то сердечного ведь дитятка!
Времена теперь пошли да всё бедовыи,
Хитроумны стали власти страховитыи!
И дайволюте-тко, судьи вы правосудныи,
Уж как мбему сердечному то дитятку,
И с горя сисьть ему на саночки дубовыи,
И попроехать на ступистой лошадушке,
И прокатиться по селу да деревенскому,
И по прогулушке по широкой по уличке
И со малыма ему да поровечникам!
Как спюют оны солдатску ему писенку
И воспотешат-то уда́ла дб́бра молодца,
И взвеселят его унылую утробушку!
Ой же ты, мое сердечно мило дитятко!
И укатись, да мое красное ты на́ золоте,
И укатись да от родимой нонь от родинки,
И далеко да на чужую на сторонушку,
И ты на эты на уречныи неделюшки!
И в города да удались ты незнакомыи,
И ты за крепости уйди новгородскии!
И не знали бы судьи неправосудныи,
И не доведались бы власти страховитыи!
И тоей пбрушкой теперь да тым времечком
И принаполнятся наборы Государевы,
И ты останешься сердечно мое дитятко
И во свбей да молодецкой вольной волюшке!
И пораздумаюсь победным своим разумом:
Никуда нынь не удёшь да не упрячешься.
Времена теперь пошли да всё бедовыи,
Хитроумны стали власти скрозекозныи!

Вопленица причитает от имени рекрута:

И как у нашего хоромного строеньица,
Как у этого крылечика перёного,
Как у этого столба да у точёного
Есть подогнаны ступистыи лошадушки,
И под меня да под несчастна добра мблодца!

И все извознички — крестьяна полномочны,
И челом бьют да мне-ка судьи, поклоняются,
И со мной диют оны дóброе здоровьице.
И как до сегодняшна учётна долга гóдышка,
И в моем поросту да было, в возрастаньице,
И не знали меня дóбры эти людюшки,
И по изотчинке меня не нарекали,
И не были-то челом, низко не кланялись!
И столько знать да стали дóбры эти людюшки,
И примечать стали судьи да правосудныи,
И как брать надо во службу Государеву!
И охти мни, да добру мóлодцу, тошнёшенько!
И дайволюте-тко, судьи вы правосудныи,
И сноровите-тко вы, власти милосердыи,
И мне пройти да по хоромному строеньицу,
И по двору пройти, бурлаку, колесистому,
И по сараю-то пройти да хоботистому,
И мни проститься со хоромным строеньицем,
И во двори да со любимой скотинушкой,
И во конюшеньке проститься с конем дóбрым!

Мать к молодцам-товарищам и сверстникам рекрута:

И вы послушайте, удалы добры молодцы,
И уж вы милыи любимы поровечники!
И да вы спойте хоть унылу ему писенку,
И взвеселите вы скачёную жемчужинку!
И ты пройди, да ведь уда́лой доброй молодец,
И по прогулушке по шíрокой по уличке,
И ты меняй свою кручину на весельице,
И ты обидушку свою на доброумьице!
И да мы пóглядим, печальныи головушки,
И как ведут да дружье-братьица, приятели
И как тебя, нашу скачёную жемчужинку,
И под несчастны молодецки белы рученьки,
И воспевают-то солдатску жалку писенку
И уласкают-то скачёную жемчужинку!
И с деревенским селом, да свет, прощается
И сговорит наша скачёная жумчужинка:

«И ты прости, прости село да деревенское,
И прости уличка бурлакушка рядовая,
И вси суседушки простите спорядовыи,
И вы простите, вси старушки стародревнии,
Меня, мálыи бладенцы-недоросточки,
И да вы, вдовушки, простите-тко, победныи,
И меня, горькии несчастны вы сироточки:
И как ходил я по прогульной этой ўличке
Я не впервое прошел, бурлак, — последнее,
И проторил да эту малую тропиночку
Я до матушки теперь да до сырой земли!
И от меня да от дорóдня добра мóлодца,
И от злодейской от великой от кручинушки,
И мать-сыра земля теперечко шатается,
И от горючих слёз следочки заплываются!»

Рекрута едут кататься по деревне; мать вопит:

И пойду-выйду я на шíроку на ўличку,
И погляжу да на сердечно свое дитятко:
Как он íде¹ по прогульной этой уличке,
И на ступистой удалой на лошадушке,
И он на саночках, мой свет, да самокатных,
И как подвязаны звон-унылы колокольчики!
И спотешáт себя сердечно мое дитятко,
И взвеселят да молодецкую утробушку!
И вы глядите-тко, народ да люди добрыи,
Вы, приближни спорядовыи суседушки,
И вы смотрите-тко, ведь род-племя любимое,
Вы, добротушки-желанны родны тётушки,
И вы, отданныи сестрицы сдвуродимыи,
Вы на милую скачёную жемчужинку!
И хоть гулят столько скачёная жемчужинка,
И он не с радости, наш свет, да не с весельица,
И со злодийной великой со кручинушки,
И с проклятой теперь да со досадушки
И по пути, да по ширóкой по дороженьке
И добрый конь нонь-ко идет да спотыкается,
И лошадина голова да принаклонена;

Как на санках добрый мóлодец шатается!
И не вёшный этот ручей разливается,
И бедный молодец слезами умывается!
Он снимает-то с головушки тут шапочку,
И на все на три-четыре на сторонки поклоняется,
И со любимой своей родинкой прощается,
И с гóря молвит-то, наш свет, да таково слово:
«И ты прости, прости, село да деревенское!
И ты, усадьба-то, прости, да красовитая!
И вы, деревенки, простите, садовитыи!
И вы простите, темны лесушки дремучии,
И вси сахарнии садовы деревиночки!
И вы простите-тко, луга да сенокосныи,
И добра мóлодца, поля да хлебородныи!
И сине славное, прости, да ты, Онегушко,
И ты, родимая, прости меня, сторонушка!
И прости, волость-то, меня, да красовитая,
И ты, сторонушка, прости меня, гульливая,
И ты гульливая сторонка, щегольливая!
И ты прости, да молодецки вольна волюшка!
И ты прости, да Божья церковь посвященная
И Пресвятая мать, прости, да Богородица!»

С гулянья заезжают в церковь; мать вопит:

И говорит еще скачёная жемчужинка:
«И теперъ съезжу в Божью церковь посвященную,
И попрошу да я попа-отца духовного,
И воспокаюсь служителю церковному,
И помолюсь да я Богу от желаньица,
И прослужу да я молебен Богородице,
И я поставлю ей свечи да воску ярова,
И положу-то пелены да ей шелкóвыи!
И помолюсь да со слезами со горючими
Уж я этому Бладыке все небесному:
И сохранил бы меня Господи, помиловал,
И от приёмной палаты белокаменной,
И как от этой бы от службы Государевой!
И ты спаси, да Пресвята мать Богородица,

Ты от этых властей немилосердых,
Ты от этых судей да все безбожных!
И вы простите-тко, попы-отцы духовныи,
И благодетели-служители церковныи!
И на духовных молитвах вспомяните-тко
Вы меня да всё удáла добра мóлодца!
И буде вóзращусь на родимую сторонушку,
Я со этого со города Петровского,
Росчитаюсь я за ваше утруженьице
И за молитовки-то ваши ведь церковныи!
Уж я сдаю вам духовно угощеньице!»

По приезде из церкви родные зовут рекрута в гости.

Провожая, в дверях мать вопит:

Я гляжу-смотрю, кокоша горегорькая,
И на сердечное гляжу да я на дитятко,
И как идё да он по шíрокой по уличке,
И во любимое идё да во гостибище
И ко добротушке к желанной идё тётушке!

Тетка, встречая, вопит:

Я повыду-то, печальная головушка,
Я на это на крылечико перёное,
Да я стричю-то любимо свое племнятко
И подхвачу его под праву белу рученьку,
Я прижму да ко ретливому сердечушку!
Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
Я на эта златокрыла ясна сокола:
И хоть с дружьём идё, мой свет, да со приятелям
И с холостьбой идё, желанье, неженатой,
И он не князем-то идё ко мне молóдыим
И он не славным женихом да наряженными!
И хоть не первое идё, мóже, последнее,
И со злодийной идё да со кручинушкой,
Он ко мни да во любимое гостибище!
И ты поди, мое сердечно мило племнятко,

И ты по-прежнему поди, да по-досюльному,
И как ходил да ты к печальнойей головушке,
И ты во радости ходил да во весельице!
Как про тебя, мое сердечно мило племнятко,
Нонь дубовыи столы да порасставлены,
И тонки белы скатерти да поразостланы,
И сахарни тебе ёствы приналажены,
И с Новагорода питья тебе доставаны!
И ты пройди, мое любимо мило племнятко,
Ты в мое пройди хоромное строеньице,
Ты во светлую пройди да мою светлицу,
И ты роздень да молодецко цветно платьице!
И положу да я на стопочку точёную,
И посажу тебя на стул да на кленовой,
И угощу я тебя, дитяtko, учёстую!
И ты садись, да наш сдovольной белой светушко,
И ты гости, гости, любимо мое племняtko,
Пока во своей бурлацкой вольной волюшке!
И я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И на сердечного любимого племянничка:
И уж он ештушек, горюн, не искушает,
И медвяного питья не испивает!
Он горючима слезама обливается,
Он великой кручиной утирается!
Жаль тошнёшенько победнымим головушкам,
Нам сердечного любимого племянничка!
И день ко вечеру теперь да коротається,
И красно солнышко ко западу двигается,
И наше дитяtko с суседами прощается,
И во слезливу путь-дорожку отправляется.
И не начаемся, печальны мы головушки,
И увидать нашу скачёную жемчужинку!
И ты послушай же, любимо мое племняtko
Как што сдается, скачёная жемчужинка,
Как соймут да молодецку вольну волюшку,
Как приведут да во полату белокаменну,
И поразденут у вас цветно это платьицо,
И вас поставят-то под меру Государеву,
Как под эту под линеечку дубовую,

И у тебя, наша скачѣная жемчужинка,
И тут подломятся бурлацки резвы ноженьки,
И подрожат да молодѣцки белы рученьки,
И приужахнется ретливое сердечушко,
И помутятся молодецки ясны бчушки!
И тут повыстанут судьи неправосудныи
Со этиих со стульицев кленовыхи,
Оны на свои на резвыи на ноженьки,
Как от этиих столов да от дубовыхи!
В белокаменной полатушке похаживают,
И козловы сапоги у их поскрипывают,
И оны в тбчь глядят во ясны вам во очушки,
И по головушке начальники подрачивают:
«И всим здоров да молодѣц-то этот бравой!»
И столько слушайте, народ да люди добрыи!
И не радили бы победны мы головушки
И отпустить нашу скачѣную жемчужинку,
И во злодийную полату во принѣмную!
И буде Господи Бладыко не помилует
И как во этой во полате белокаменной,
И буде «лоб» скричат жандары Государевы,
И тут подхвата вершалá да все молбды
Как тебя, нашу скачѣную жемчужинку,
И посадя как на стульица кленовыи;
И во руки оны берут да бритвы вострыи,
И оны брить да будут желтыи кудѣрышка!
И у тебя да у скачѣной у жемчужинки,
И волоса падут, наш свет, да на дубовой пол!
И тут ты сдынешь свои белы эти рученьки
И на печальну молодецкую головушку,
И горьки слезушки с очей да проливаются:
«И куды волюшка моя да подевалася,
И молодецкие кудѣрка истерялися?»
И прибери свои завивны кудри желтыи,
Ты со этого полу да со дубового,
И ты клади да во гербовой лист-бумаженьку,
И отошли да на родиму свою родинку,
На погляженьице желанныим родителям,
И на утехушку нам србдчам-милым сродничкам!

И не поставь в гнев, скачёная жемчужинка,
И хоть я уныло, горюша, причитала,
И во слезах тебе, победна, рассказала
Про злодийную палату белокаменну!
И ты гости́, да тепло-красное наше солнышко,
И пока на́ своей родимой ты сторонушке,
И ты по этому селу да деревенскому,
Ты по милым спорядовым суседушкам!
Как тебя, да тёпло-красно наше солнышко,
Сожалеют вси спорядныи суседушки!

Причитывающая за рекрута, обращаясь к его подружью:

И спасет Бог да вам, дружье-братье, приятели,
И што спевали вы унылы жалки писенки,
И воспотешили уда́ла добра мо́лодца,
И молодецку мою зяблую утробушку!
И нынь сердечушко мое не утешается,
И молодецкая головушка кручинится;
И поскореньку наб бурлаку распроститися,
И мне-ка со́ своей родимой со сторонушкой,
И суровёшенько мни наб да отправлятися
И во злодийну эту службу Государеву.
И жаль тошнёшенько уда́лу добру мо́лодцу,
И порасстаться со родимой мне-ка родинкой,
И мне с дружьем-братьем теперичко с приятелям.

Проводы, угощены, и прощанье:

Поглядите-тко, народ да люди добрыи,
И вси приближни спорядовыи суседушки!
И как во этом во почётном во большом углу
Уже вси вкупе уда́лы добры мо́лодцы,
Вси сидят тут рекрутá да очередныи!
И не уяданьице им ествушка сахарнии,
И не всласть да им сла́дка ноньку водочка!
За столом да их головки принаклонены,
И о сыру землю их очюшки утуплены!

И тут великою обидой забавляются,
И оны горькими слезами обливаются!
И говорят да им тут власти поставлены:
«И с родом с племенем, бурлакушки, прощайтесь-ко,
И в путь-дороженьку, рекруты, отправляйтесь-ко!»
И ответ держат им рекрутика молоды:
«Дайвольйте-тко, судьи вы милосерды!
И хоть единой час вы дайте-тко, минуточку
Нам потешить своего сердче молодецкое!»
И, знать, пришла да ведь пора да тое времечко
Из-за стола пойти бурлакушкам молодым,
И от кушаньев пойти да от сахарных,
И от пивецов пойти да от медвяных!
И нын долит да их великая кручинушка,
И ушибат да их великая тоскочушка!
И оны крест кладут, бурлаки, по-писаному,
И перед Господом ведь славу сотворяют.
И затопляли тут свечи да воску ярова,
И на бурлацкии колена становилися,
И сговорят да тут рекрутика молоды:
«Уж ты Спас да наш Бладыко многомилосливой!
И ты спаси да нас, несчастных добрых молодцев
И ты от этой от меры Государевой!
И ты Покров-Мать-Пресвятая Богородица!
И ты покрой да нас рекрутиков молодых
И от злодейской ты от службы Государевой!»
И тут повыстали на резвы оны ноженки,
И приклонили свою буйную головушку
И со бладой вышины да до сырой земли;
И на все на три-четыре на сторонушки
Всим окольным суседам поклонялися,
И всобину поклон желанным родителям
И во пристаршии да держат оны ноженки:
«И вы простите-тко, желанныи родители,
И во всей глупости простите нас, во дурости!
И благословите-тко, желанныи родители,
И нам поехать во путь-широку дороженьку,
И наделите-тко таланом-вы нас участью,
И всей великою Господней Божьей милостью!»

И вы смотрите-тко, народ да люди добрыи!
И как не белыи березки нагибаются,
И с отцем-с матерью рекрутики прощаются,
И оны червышком, несчастныи, свиваются,
И оны клубышком, победныи, катаются,
И в безызвестную сторонку снаряжаются!
И не ясен сокол с теплѧ гнезда слетает,
И добрый мѧлодец из дому выезжает
И нынь по позднему теперечко по вечеру,
И по закату тепло-красного ведь солнышка!
Тут повыстали бурлакушки сердешныи,
И как повышли со хоромного строеньица,
И у крылечика оны обстановилися,
И как згляну́ли на хоромное строеньице,
И на светлую згляну́ли оны светлицу,
И сняли шапочки со блѧдых со головушек,
И на три стѧроны бурлаки поклонялися
И со строеньицем оны да распростилися:
«И ты прости, прости, хоромное строеньице,
Прости, светлая тесова нова горенка!
И не бывать да на родимой буде родинке,
И не хаживать по хоромному строеньицу,
И нам не сиживать во светлой буде свѧтлице!»
И поклонилися несчастныи рекрутики
И печальныи уда́лы добры мѧлодцы
И своим да все ступистыим лошадушкам:
«И спаси Господи ступистыих лошадушек,
И што возили нас, печальных добрых мѧлодцев,
Все по этиим Бладычныим по праздничкам,
И по тихим по смиренным беседушкам,
И по унылым слезливым по свадебкам!
И знае-ведае несчастно ретливо сердце:
И нам не езживать на ступистыих лошадушках,
И нам не сиживать на санках самокатных!»
И уж как тут эти рекрутики печальныи,
И оны пѧджали ретливое сердечушко,
И сговорили тут, несчастныи, таково слово:
«И ты не ной, наше сердечко молодецкое,
И не тоскуй, наша утробушка бурлацкая!

И жаль расстаться со родимой со сторонушкой!»
И со тоски да тут пали рекрута о сыру землю!
И подхватили да их сѹдьи поставленныи,
И взяли мѳлодцев под правую под рученьку,
И посадили во печальны дубовы́ сани!
И приукрыли соболиным одеялышком,
И приоттѳкнули желанных родителей
От своих оны сердечных милых детушек,
И отпихнули сродчев-сродничков любимых!
И тут извощички добрых коней понѳдили,
И добры кѳнюшки пошли да суревешенько!
И быдто серый волк под кустышком поѳкиват,
И так бурлаки путь-дороженькой тоскуют,
И в дубовых санях оны да горекуют!
И не дали-то им судьи немилосердыи
И со старыма старушкам им проститися,
И на все стороны рекрутам поклонитися!
Как везут да их извощички немилыи
И не по разуму ступистыи лошадушки!
И дале-дале от родимой сторонушки,
И ускоряются ко городу Петровскому,
Как ко этому принѳму Государеву!

К матери — двоюродная сестра:

И ты послушай, бедна мать да горегорькая
Хоть снаряжать свою скачѳную жемчужинку
И ты не в славны города да понизовыи,
И не в извощички, горюша, ты в охотныи,
И не в бурлакушки, горюша, ты во вольныи,
И не по эту золоту казну довольную.
И погляди, бедна кручинная головушка,
Ты на эта златокрыла ясна сокола!
И по мостиночкам, наш свет, да он похаживат,
И он во цветном бурлацком во платьице;
И не красѳт на нем да цветно это платьице,
И со кручинушки головушка не гладитя,
И со обиды волос к волосу не ладитя,
И со печали желты кудри рострепалися!

И не темны леса ко зéни приклонилися,
И не кáмышки нонь с гор да поскатилися,
И добры людушки бурла́ку сдивовалися:
И до сегодняшня Господня Божья дéнечка,
И как до этой до студёной, холоднóй зимы,
И быв свеща у нас была да нетоплёная,
И как верба́ да был, наш свет-то, золочёная,
И бы сахарная он был да деревиночка,
И как налимная изюмна ягодиночка!
И уж как этоей студёной, холоднóй зимой,
И наша милая скачёная жемчужинка
И быдто деревцо, наш свет, да подсечёное,
И во сыром бору береза подсушёная,
И недозревшая как теперь да ягодиночка,
И быдто вёшная земля да ворошёная,
И на лугах трава, наш свет, да подкошёная,
И быдто рыбинка во сетку изловленная,
И как ясён сокóл во клетку посаженной!
И как сегодняшним Господним Божьим дéнечком
И скрозь туман да печё красно это солнышко,
Скрозь-то темный лес светлеет млад светел месяц
И скрозь óблак-то течет да наша милая звезда да подвосточная!
И ты гляди-смотри, сестрица сдвуродимая,
И на сердечное рожёно свое дитятко!
И нынь не годышек ведь с им да годовать,
И не урёчная неделя красоватися!
И прошла зимушка студёна — не выдаюца,
И вдруг недели миновались — не слыхаюца!
И начасу́ наши бурлаки одеваются,
И во злодийную палату снаряжаются!
И ты послушай, свет-сестрица сдвуродимая,
И как ночесь да было темной этой ноченькой,
И у тебя да про сердечно мило дитятко
И было ўбрано хоть складнее зголовице,
И хоть ложился спать по позднему по вечеру,
И сговорил да тут, скачёная жемчужинка:
«И я последнюю-то сплю да темну ноченьку
И я на этой на пуховой перинушке,
И на убраном я на складнем на зголовице!

И ты послушай же, родитель-родна матушка!
И не клони да в сон победной буйной гóловы,
И подле сядь да на тесовую кроваточку
И супротив да ты обидного сердечушка!
И ты гляди-смотри, родитель, во белó лицо,
И ты погладь да по несчастной буйной гóловы,
И подрочи́ ты по несчастным по белы́м грудям,
И не жале́й, зажги свечи да воску ярова!»
И темной ноченькой свечи горят-туманятся,
И как несчастной добрый молодец печалится;
И не спокойна была темна ему ноченька;
И, знать, што ведае ретливое сердечушко
И нынь над мбодцем великую незгодушку!
И он не сном да темnú ночку коротает,
И он горячима слезама обливается!
И от победных молодецких его слёзушек
И потонувши круто-складнее зголовьице,
И полинявши наволочечки шёлкóвыи!
И с точки смáхне молодецки свои рученьки
И на печальну молодецкую головушку,
И с горя рвет да свои желтыи кудёрышки,
И подает да он родимой своей матушке:
«И ты возьми, моя родитель жалосли́вая,
И мои желтыи завивныи кудёрышки,
И ты клади да во гербовый лист-бумаженьку,
И положи кудри во правую во пазушку,,
И прижимай да ты к ретливому сердечушку!
И знаю-ведаю, горюн да я печальной:
И што забудешь ты, родитель-родна матушка,
И ты меня — свое сердечно мило дитятко!
И ты ведь по́ясок носить будешь слабёшенько,
И ты обрóнишь мои желтыи кудёрышки,
И подойму́т да светы-братьица родимыи
И мои желтыи завивны там кудёрышки
И повыкинут с хоромного строеньица
Иль сожгут оны в огни да в этом плящем!»
Еще слушай же, сестрица сдвуродимая!
Уж как этую скачёную жемчужинку
И ты в несчастный день — во сэреду заси́яла,

И в бесталанный день — во пятницу вспорóдила;
И, зная, не в ту пору на свет ты попустила,
И когда Божьи были церкви приотворены,
И во церквах да Божьи книги приотомкнуты,
И двери царские в церквах были приотперты;
И в бесталанный час по вечеру родила,
И когда кúзнецы во кузнецах стояли,
И как булат — это железо розжигали,
И ко оружицам замки да прилагали;
И на роду́ служба ему, свету, уписана,
И на делу́ ему от братьев приделялася!
Еще слушай же сестрица сдвуродимая!
И хоть ты думаешь, печальная головушка,
И поостанутся сердечны у тя детушки,
И то гордливы, тьи детушки, спесивыи!
И попеняю при всех добрых я людюшках,
И посрекаюсь при спорядных суседушках:
И ты не матушка была да ему — мачиха,
И быдто у́ сердча его ты не носила;
И не слыхал да он, любимо наше племнятко,
И как от вас, своих желанных родителей,
И он не ласкова прелестного словечушка!
И не видал да он, скачёная жемчужинка,
И от вас да он великого желаньица!
И ненавидли светы-братьица родимыи
И за столом его сидеть да за дубовым,
И на стульицах его да на кленовыхих!
И возростал как он, любимо наше племнятко,
И он не нашивал сапоженьков козловыхих,
И он не держивал бурлацка цвётна платьица,
И была не дана ступистая лошадушка
И ходить-издать по Бладычным по праздничкам!
И его кушаньем ведь вы не наважали,
И всё крестьянской работой утружали;
И вы держали-то его вместо подворничка
И почитали-то его да как работничка!
И говорит тебе сердечно мило дитяtko,
Он пеняет жалостливой тебе матушке:
И попустила што великое желаньице,

И по головушке, родитель, нонь подрачиваешь?
Я не дитяtko тебе да не сердечное,
И ты солдатушkom меня да ведь засіяла,
И ты солдатушkom меня да ведь спорóдила;
И не на красном да я солнышке повырощен,
И уж я рос да на катучем синем камешке;
И не дитяtko ты рóстила — изменушку;
И надсмехались света-братьца родимыи,
И надрыгались желанныи родители;
И удивляюсь я, удалый добрый мóлодец,
Уж как этою студёной нóньку зимушкой,
И стали светушки ведь братьца ласкóвыи,
И родима моя матушка спацлívая!
И кругом-около родитель-то подхаживат,
И хоть во я́сни мни-ка очушки поглядыват!
И уласкают светы-братьца родимыи
И всё мильма прелестнымa словечушкам,
И утешают-то несчастна добра молодца!
И я того, бедный бурлак, да обиждаюся:
И при послéди я скажу да поры-времечки:
И мне-ка не было, бурлаку, преберёгушки,
И от родителей великого желаньца!
И уж как мне-кова, несчастну дóбру мóлодцу,
И мне-ка не было ведь сладка уяданьца,
И мне медвяного, бурлаку, упиваньца!
И не настроено да мне-ка цветна платьца,
И все вы ладили на милых других детушек!
И я повы́стану по утрышку ранёшенько,
Я обуюсь в сапоженка поскорёшенько,
Я одену хоть шубенку стозаплатнюю,
И подпояшусь я, победной, хоть веревчонкой,
И снаряжусь да на крестьянскую роботушку,
Я во эты́ во темны леса дремучии,
Я за этыма травами за зеленыма;
И мои братьца в домы́ да оставаются,
И на пуховой перинке проклаждаются!
И хоть прииду² со темных лесов дремучиих,
И я повыпрягу ступистую лошадушку,
И приведу да я на стойлы на кониныи,

И задам лошадям яденья со питемьцем,
И я приду да во хоромное строеньце;
И у моей да у родителя у матушки
И произвѣдены обеды полуденнии!
И отдыхают-то сердечны у ней детушки,
Как мои да милы братьица родимьи!
И по избы́ стану, несчастной я, похаживать,
И говорить стану родителю я матушке:
«И вы накройте-тко на стол да на дубовой,
И вы дайте мне яденья со питемьцем!»
И по избам станешь, родитель, ты похаживать,
И ты не с вѣсела на мѳлодца поглядывать,
И ты не ласково со мной да разговаривать!
И уж как этѳей студѳной, холодной зимой,
И сдировалися ведь дѳбры эты людушки!
И хоть стала нѳнь близешенько подхаживать,
И в устах дѳржишь хоть прелестныи словечушка,
И во сердцьи нету великого желаньица,
И лицемеришь нѳнь при дѳбрых столько людушках,
И обиждашь столько удѳла добра мѳлодца!
И мне-ка из роду ведь было да из племени
И все желанная родитель была тетушка,
И на любимое была да краснословице,
И на сердечное великое желаньице,
И на заступушку была, на приберѳгушку;
И у меня нѳнь у несчастна дѳбра мѳлодца,
И так победное сердечко разгорелосѳ,
И так обидушка с досадой росходилася:
И не ласкайте, светы-братьица родимьи,
И ты не плачь да понапрасну, родна матушка,
И не диви да многих дѳбрых столько людушек:
И я не дитячко тебе да не рожѳное;
И, знать, не трудничек я вам да не работничек,
И не старатель был крестьянской, видно, жирушки,
И не рачитель до участков деревенских!
И знае-ведае ретливое сердечушко,
И што вы рѳстили удѳла добра мѳлодца,
И во людушки вы рѳстили казенныи,
И на убоину эту службу Государеву,

И на измену светам-братьям родимым!
И высокí, да знать, вы тѣрема постройте,
И, знать, зелѣныи сады да принаси́ете,
И винограду, видно, в садику нарóстите!
И как послí меня, несчастна добра́ мóлодца,
И принаскопите казну да вы бессчѣтную,
И будут детушки стоять ваши любимыи,
И во ўличках стоять оны рядовых,
И во лавочках стоять оны торговых!
И уж как я, да горегорькой е детинушка
И единѣшенек, уда́лой добрый мóлодец,
И отрешѣн да от крестьянской я от жирушки,
И приотказан от хоромного строеньица,
И быдто птиченька в лесах да заблудящая,
И так же я, бедной несчастный добрый молодец!
И прости-и́звини, родитель-родна матушка,
Што попенял да я при дóбрых тебе людушках,
И посудьячил при спорядных суседушках!
И я клоню тебе несчастну буйну голову
И молодецко бесталанное сердечушко.
И я скажу тебе, сестрица сдвуродимая,
И гля людѣй зря рушишь гóрьки свои слезушки,
Как вестимо всем спорядным суседушкам
И про его да молодецко возростаньице,
И какова была от вас да приберѣгушкаí
И он гневен, да наш сдовóльной белой свѣтушко,
Што говорят да его братьяца родимыи:
«И мы возрóстили себе да все изменушку».
И оны хóдя, светы-братья, взвеселяются:
«И слава Богу, то теперь, да слава Господу!
Е замена в грозной службе Государевой!»

Причитывающая от имени рекрута обращается к тетке:

И спасет Бог, да сдвуродима мила тетушка,
И на твоём складне-умильном причитаньице,
И на твоих да на росказах правосущиих!
Уж как я, да росбесчастной доброй молодец
И бесталанная победная головушка,

И я в несчастный день во среду засиян,
И в бесталанной день во пятницу вспорожен,
И я солдатушкой в купели ведь окупай,
И во казенный во людюшки возрощен;
И меня в зыбоньке, солдатушка, качали
И вдвое-втрое тут мни горя накачали!
И уж я взрос да на катушем синем камешке,
И к завоенному оружицу воскормлен,
И на измену светам-братыцам родимым!
И от бладоисти во радости не бывано,
И от рожденьица веселых дней не видано;
И не видал да я великого желаньица
И от родителя-родимой своей матушки!
И не слышал да я прелестных словечушек
И от своих да светов-братыцев родимых!
И поровечники ведь мни были не по́дружьё:
И подойду я к ним, уда́лой доброй мо́лодец,
И во глаза-то мни оны да прилещаются,
И посторонь оны «служивым» нарекают!
И говорят да там суседи спорядовыи:
«Не участник он участков деревенских,
И не до́льщик он крестьянского ведь полюшка
И не косец да на луговых буде по́женках!»
И во глаза лестя́т дружьё-братьё, приятели,
И позаглазью-то оны да спроговаривают:
«И вон казенный-то солдатушко похаживав,
И горемыка-та уда́лая погуливає!»
И подóйду да я ко красным ко девушкам,
И ведь тут да мни, несчастну, не весельице!
И красны девушки миня да сторонилися,
И быв чужанина миня да полошилися!
И вдруг подрэже тут победно ретливó сердцэ,
И пустылая родима каже родинка!
И еще слушай же, родитель-мила тетушка!
И ты пойдн со мной ко городу Петровскому,
И да ты погляди, родитель-мила тетушка,
И как в злодийной ведь палате белокаменной
И нас до́гола, победных, раздевать будут,
И становить станут под меру Государеву!

И принимать станут несчастных добрых молодцев
И во злодейную во службу Государеву!
И станут брить да наши желтые кудерышки,
И приберешь, моя родитель-мила тетушка,
И мои желты молодецкии кудерышки
На доброумьце себе, на погляженьице
И на роздии себи великоюй кручинушки!
И ты увидишь тут, родитель-мила тетушка,
И как нас сводят в Божью церковь посвященную
И принимать да нас присягу уреченную,
И служить да верой правдой нам, солдатушкам,
И без измены то царю-богу русийскому!
И тут повысмотришь, родитель-мила тетушка,
И как водить станут несчастных солдатушков
И приучать да ко оружьям завоенным,
И нас ко этим пистолетам зарукавным;
И как съедешь на родиму нашу сторону,
Порасскажешь многим добрым столько людюшкам
И всем приближним спорядовым суседушкам!

Вопит соседка, у которой брат в солдатах:

Я стою-гляжу, кручинная головушка,
И што впотай рушу́, победна, горючий слезы́,
И не попусти да я, кокоша, жалка голоса,
И я обидной горькой причети солдатской!
И подивуют мне-ка добры эти людюшки,
И посрекаются спорядны вси суседушки.
Я сестра, видно, стою да ведь безбратняя,
И, зная, сердечушко мое да беспечальное
И у меня ведь, у победной у головушки,
И едина также скаченая жемчужинка,
И единобутробной светушко-братец родимой,
И также отдан в грозну службу Государеву.
Уж как третей-то учетный иде годышек!
И как я да была в городе Петровском,
И хоть недолгой я поры да была времечки,
Хоть одну жила уречную неделюшку,
И насмотрелась на несчастных я головушек,

И на победну, горьку жизнь да я солдатскую!
И не дай Господи на сем да на белом свете
И глядять-смотреть на подстрильных ясных соколов!
И отрешённые-то от добрых оны людюшек,
И приотрёмнутся от сродчев оны сродничков.
И я гляжу да нынь, печальная головушка,
И как похаживат наш сдобольной белой светушко,
Уж как милой спорядовой наш суседушко,
И он по доброму хоромному строеньицу,
И как тоскует-то ретливое сердечушко
У дорогой милой скачёной жемчужинки!
И мне-ка смить ли-то, печальнойей головушке,
И подойти, бедной горюшице, близёшенько,
И наложить свои несчастны белы рученьки
И на победны молодецки твои плечушки,
И на несчастну молодецкую головушку!
И не в огонь иду, горюшица, не обпалю,
И не змея иду, победна, я не обклюну!
И сама по себе, горюша, разуметь могу,
Я по светушке по братце разумию вас:
И жаль расстаться с молодецкой вольной вольюшкой
И распроститься со родимой со сторонущкой!
И ты послушай, спорядовой мой суседушко!
И не радию я, победная головушка,
И тоби быть да в грозной службе Государевой!
И возврати Господи скачёную жемчужинку
И тебя взад да на родимую сторонущку
И большаком да тебя в дом-то настоятелем,
И тебя пахарем на чисто взад на полюшко,
И сенокосцем на луговые на поженки,
И севчём да на роспашисты полосушки,
И рыболовущком на сине на Онегушко!
И как тебя, да тепло-красно наше солнышко,
И наша милая свеча да нетоплёная,
И сожалиют вси спорядныи суседушки
И за твои да за умильныи словечушка!
И как смиреннице у тя было со кротостью,
И ты не плут да был ведь, свет-то, не разбойничек,
И красным девушкам ведь ты да не насмешничек,

И молоды́м женам ведь ты да не проказничек,
И как мужниим-то жёнам не стыдитель был!
И долгих вёчеров, наш свет, да не просиживал,
И темных ноченок, наш свет, да не прогуливал!
И я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И на тебя да златокрыла ясна со́кола —
И нынь под тученькой ты ходишь гряновитой,
И ты под облакой ведь е да страховитой!
И ты думаешь несчастным своим разумом:
«И возвращусь да на родиму, може, ро́динку!»
И ты послушай-ко, скачёная жемчужинка,
И не поставь во гнев, сдвольной белой свётушко!
И будет Господи Бладыко не помилует,
И от злодийной тебя службы Государевой,
И ты пойдешь да во солдатушки походныи,
И ты во дальнюю путь-ши́року дорóженьку,
И в безызвёстну незнакомую сторонушку!
И я понáкажу, печальная головушка,
И как тебе, милой спорядной мой суседушко:
И не случится ль тебе слышать
И там про братца про родимого,
И увидеть мою скачёную жемчужинку?
И во еди́ной во казармы, може, со́йдетесь,
Иль на стретушке, несчастны, може, стрититесь,
И да вы ду́-друга, победны, приузнаете,
И за одним, може, столом да вы там будете,
И, може, сядете за стол да против ду́-друга
И вы на ду́-друга, победны, усмотрітесь-ко,
И потихошеньку́ ведь вы разговаритесь-ко:
«И с коей сто́роны, солдат, какой губернки?
И сколько лет служишь во службе Государевой?
И ты который год в солдатушках походных?»
И тут вы ду́-другу, победны, поросскажитесь,
И вы, несчастны тут солдаты, поросплачетесь!
И ты скажи, да спорядовой мой суседушко,
И моей милоей скачёной жемчужинке,
И скажи низкое поклонно челобитьице!
И ты скажи еще, сдвольной белой свётушко,
И таки ль гнев несё скачёная жемчужинка,

И все на нас, да на печальных головушек?
И што не пише скорописчатой он грамотки,
И не упише свою жизнь бѣдну солдацкую?
И таки ль нет да ему вольной столько волюшки,
Иль на письмо нет золотой казны бессчѣтной
И нет попутыщичков оттуль, видно, ходаталей?
И ты поросскажи, спорядной мой суседушко,
И што не знаем мы, горюшицы, не ведаем,
И во какой орды наш свет, да во какой земли!
И што по утрышку его мы воскликáем,
И по вечерним зарям да вспоминаем!
И ты скажи, да тѣпло-красно мое солнышко,
И как тоскую я по братце по родимоем!
И кабы мне-кова, печальной головушке,
И были крылышки, горюше, бы гусиные,
И были полѣты, победной, лебедины бы,
И я бы справилась, горюша, поднималась
И выше лесушку, победна бы, дремучего,
И на безродну бы на чужу на сторонушку,
И я во дальны города бы незнакомыи!
И облетела всю Русию подселенну бы,
И повзыскала бы скачѣную жемчужинку
И на пути да во солдатушках походных,
Я по этим бы казармам по казенным,
И по часовенкам искала бы на спáсеньи,
И по зеленым лугам да там на страженьи!
Я слетала бы за сине за Онегушко,
Я во это в океян да сине морюшко,
Повзыскала бы по черным бѣльшим кѣраблям,
И я по этим берегам да незнакомым,
И признавала б светушкá-братца родимого,
И по солдатскому бессчастну белу личушку,
И по печальным его ясным по очушкам,
И по обидным по солдатским разговорюшкам!
И знаю-ведаю, печальная головушка,
И про его да я жизнь горьку-бессчастную!
И как в три гѣды резвы ножки притопталися,
И все солдатски сапожѣнка придержалися,
И по походушкам мондеры притаскалися!

И заболели-то солдатски его плечушка,
И столько носяца ранчи́ эти казенные;
И подрожали, може, бёлы его рученьки,
И столько держачи оружица военныи!
И притомивши-то скачёная жемчужинка,
Уж он хóдячи, наш свет, да по походушкам,
И он сто́ячи, победной, каравульщиком,
Всё у этих замков да у казенных!
И еще слушай же, спорядной мой суседушко,
И ты скажи да светушку-братцу родимому,
И как послаи его, скачёной жемчужинки,
И изменилася крестьянска наша жи́рушка
И издержалась золотá казна бессчётная!
И ты еще скажи, спорядной мой суседушко:
И хотя ж есть да светушки-братцы родимыи,
И все не спа́цливы к солдатушку несчастному!
И как в злодийну его службу приотправили,
И прозабыли его братица родимыи,
И не распрóдают любимоей скотинушки,
И не пришлют да золотой казны по на́добью
И на расход ему, солдатушку несчастному!
И сдайволюй, да спорядовой мой суседушко,
И мни порóссказать про службу Государеву,
И што я видела, печальная головушка,
И как была да я во городе Петровском!
И отпускали как солдатушков несчастных
И их во партии, победных, во собраной,
И как идут да путем-ши́рокой дороженькой
И оны в дальнюю орду да безызвестную!
И как с-по ранному было́ да всё по утрышку
И приходили эти дядьки-то со старшими!
И оны прóшли по казармам по казенным
И оны громко всим солдатушкам сказали:
«И вам отправка сего дёнечка Господнего
И вам со города теперь да со Петровского!»
И как у этих у солдатушков несчастных
И в крепкой сон да у солдатушков не за́бранось;
И тут повы́стали солдатушки победныи
И как со этих оны коек со казенных,

И тут Иисову молитву сотворили
И во слезах глаза солдатушки крестили!
И не ключёвоей водой да умывались,
И как не в бело полотно да утирались!
И умывались солдаты горючмы слезмы,
И утирались великой обидушкой,
И обували сапожёнки тут казенныи,
И на плечушки шанельчишки походныи,
И крепко-накрепко сердечко подтягали!
И приходили хотя дядьки-то со старшима
И их повывели на шíроку на ўличку,
И их в шариночку, солдатов, установили
И по единушке солдатов выкликали,
И во походный солдаты назначали!
И как в шариночке победнушки стояли,
И уж так да камендэры надрыгались:
И как стояли бы, солдатушки, прямёшенько,
И глядiли бы, несчастны, веселёшенько
И белы рученьки были б да поросставлены,
И в едину струну бы ноженьки наставлены,
И говорили бы солдаты умильнёшенько,
И привыкали бы к ученью хорошохонько!
И насупротiв своим, победны мы головушки,
И поблизёшеньку ведь нас на подпускают
И как злодии-камендеры скрозекозныи!
И нету душеньки у их да во белы́х грудя́х,
И нету совести у их да во ясны́х очах,
И нет креста-то ведь у их да на белой грудí!
И не в могуту им умильно причитаньице,
И им не по́ сердцу горючи наши слёзушки!
И как приставлены судьи́ да все немилосливы,
И тут привозят они бочки с ключевой водой,
И тут над нама-то оны да надрыгаются!
И как начальнички стоят да там не русскии,
И как судьишечка ведь там не новгородскии;
И велят оны из труб да всё пожарных
И нас окачивать, победных головушек,
И всё тушить пожар в ретливых сердечушках!
Ой, тошнёхонько, победным нам головушкам!

И не в могуту́ нам сёсветное живленьице
И всё от этих властей да страховитых,
И всё от этих судей да скрозекозных!
И суди Господи злодиям супостатыим
И за их тяжкии вели́ки беззакония!
И ты услышь наши молитвы изутробныи,
И ты узри́ да наши слезы горегорькии!
И при послéди-то походе этой времечке,
И как на нас да на победных головушек
И быдто бéлочки солдатушки поглядяют,
И быв упáлы серы заюшки посматривают,
И не посмиют-то уда́лы добры мóлодцы
И с ноги на́ ногу оны да все перéступить,
И скинуть ясных несчастных своих óчушек
И все на нас, да на печальных головушек,
И у которых е желанны хоть родители,
И у которых е сестрицы хоть родимыи!
И хотя ж клубышком, горюши, мы катаемся,
Хотя червышком, несчастныи, свиваемся,
И не повиря нам, победным головушкам,
И столько этии властí немилосердыи!
И жаль-тошнёшенько победным нам головушкам
И своих милых скачёных нам жемчужинок!
И на три ряд наше сердечко прирострескае,
И на четыре ряд утроба перелопала,
И столько глядячи на братьицев родимых!
И подходить стали судьи́ неправосудныи
И как ко этим солдатам новобранным,
И наливали тут по чары зеленá вина.
И оны в музыку злодии заиграли,
И барабанщик барабан да пробивает,
И сговорят да тут судьи́ неправосудныи:
«Марш! В поход пойти несчастным солдатушкам!»
И позади пошли победны мы головушки,
И мы не знаем-то, кокоши горегорькии,
В кую путь пошли-ширóкую дороженьку!
И сговорят да тут судьи́ неправосудныи:
«И вы, прибравыи солдатики молóдыи,
И вы по городу пойдёте по Петровскому

И мимо славную палату енеральскую;
И вы пойдёте, новобранны, веселёшенько,
И пойте пёсенку, походны, умильнёшенько!»
И столько диется солдатушкам несчастным,
И им писенки запить да не хотелось бы;
И ущемлят у их ретливое сердечушко,
И обмирает у их зяблая утробушка!
И впереди идут всё дядьки да со старшима,
И позади идут ведь крепки караульщички,
И середё да музыканты с барабанами;
И как по городу идут оны тихошенько,
И скрозь слезы поют жалку оны писенку,
И скрозь обидушку словечка выговаривают,
И не мешаются, ногама-то выступают,
И ретливо сердце ведь кровью запечатано!
И не дай Господи на сем да на белом свету
И расставаться-то со братицем родимым,
И отпустить да во солдатушки походны!
И не глядели бы победны ясны очушки
И на несчастное житье да на солдатское,
И на слезливо их, победных, расставанье!
И как жива эта разлука пуще мертвой!
И не радила бы, победна я головушка,
И я не роду бы крещеному, не некрести,
Как ходить да по солдатушкам походным!
И я не знаю ведь, печальная головушка,
Кое день, да кое темная-де ноченька;
И во горях, бедна кокоша, во кручинушке,
И по сырой земле, горюшица, каталася!
И сговорила тут скачёная жемчужинка,
И мой несчастной, светушко-братец родимой:
«И ты прости, прости, сестрица-свет родимая,
И ты во всей вины прости да во всей глупости!»
И сговорил да еще красно мое солнышко
И со правой руки подаль да мни злачен перстенё,
И от сердечка опояску новгородскую,
И со кормана он платок да левантеровой,
Вси подаль да он утехи молодецкии
И сговорил да при последи таково слово:

«И я дарю тебе, сестрица-свет родимая,
Я на память-то, сестрица, свой злачён перстень,
На доброумье опояску новгородскую,
И на раздай тебе великой кручинушки
И со кормана я платок да левантеровой!
И спамяті меня, сестрица-свет родимая,
И ты гляди да на последнии подарочки
И точно на́ меня, уда́ла д́бра мо́лодца!
И ты держи эти любимы подарочки
И да ты в день держи на б́лых своих рученьках,
И да ты в ночь ведь у ретливого сердечушка,
И мой злачён персте́нь держи, бедна, по праздничкам,
И прилагай, б́дна, ко блёклому ко личушку,
И прижимай да ко несчастну ретливу́ сердчу!»
Уж вы слушайте, народ да люди добры!
Как прощалася, победна, расставалася
Я со светушком со братцем со родимым,
И мы плотнёшенько ко се́рдчу прижимались,
И во сахарнии уста да целовались;
И сговорил еще скачёная жемчужинка
И с горя малое единое словечушко,
И он челом бил, мой ведь свет, да низко кланялся
И до матушки, наш свет, да до сырой земли,
Ужо всим вкупи спорядным суседушкам!
И он возда́л да всим спасибо с благодарностью,
И он за ваше за великое желаньице!
И, буде вірите, народ да люди добры,
И не могу забыть, кручинная головушка,
И я про слезное со братцем расставаньице,
И я про бедное солдатско похождение, ице,
И я не в день забыть, не в темну ночь осеннюю!
И поглядите, многи д́бры столько людушки,
И вы на этого несчастна добра молодца,
И вы на этого суседа спорядового!
И он тонёшенек теперь, да как тетивочка,
И молодёшенек наш свет, да как травиночка,
И зеленá стоит быв он да деревиночка,
И недорóсла как кудрявая рябинушка,
И недозрэла борова да ягодиночка!

И молчи́-то-ко, спорядной мой суседушко:
И как ты сойдешь-то во службу Государеву,
И на словах да ты, несчастный, всё простёшенек,
И умом-разумом, победной, ты глупёшенек,
И ты поты́ченья, победной, наувидишься,
И ты поу́шенья, несчастной, напри́нмашься!
И тут избита-то несчастна будет спинушка,
Всё подбиты будут ясны твои очушки,
Исколочена несчастна буде го́лова,
Как подсе́чены ведь резвы будут ноженьки,
И придоса́жено ретливое сердечушко,
И приоб́ижена несчастная утробушка!
И в темном лисе — да ты зверя устранился бы,
И в чистом поле — да ты змея убоялся бы,
И в злодийной этой службы Государевой
И не нача́ешься — ты горя накачаешься,
И не над́ишься — обидушки навидишься;
И невзнача́й да получать будешь поу́шенья,
И ты не знаешь за что — побои превеликии!
Уже ой да горе-служба Государева!
И как еденьце вам буде ведь скотиное,
И точно питьецо, победным, лошадиное;
Уеданьеце вам будут ведь сухарики,
И вам питемьеце-то — вóдушка со ржавушкой!
И хоть невеликую вину да вы пров́инитесь,
И нету милости, несчастным, нет прощеньица;
И под бока станут солдатскийи подтыкивать,
И подобьют да ваши ясны эти очушки,
И победную несчастную головушку,
И дают розги во несчастны ваши плечушки,
И уже бьют да так несчастну вашу спинушку
И страшно-ужасно ведь палкама великима,
И вам не сто дают ведь, разом — целу тысячу!
И тело с мясом у несчастных смешается,
И как из плеч да ручьем кровь-то разливается!
И как от этих побоев от тяжёлых
И тут несчастна бы головка не клонилася,
И тут солдатское бы сердце не корилося,
И наб повынести могучим вашим плечушкам

И эти смертныи побои да тяжёлыи!
И наб повытерпеть несчастному сердечушку
Уж как всю эту обиду преужасную!
И тут утробушка у вас не унывала бы,
И горючі слезы́ у вас не протекали бы
И как пред этим начальством пред всевышним,
И как пред этим злодием супостатыим!
И веселым наб быть, победным, не смеяться,
И при обиды вас, несчастным, не расплакаться!
И между собой начальники смущаются
И над несчастными солдатам изъезжаются!
И не поставь во гнев, спорядной ты суседушко,
И што жалобно, горюша, причитала,
И про злодийну грозну службу рассказала;
И хоть я не была во службы Государевой,
И не ходила по походам я солдатским,
И столько была я во городе Петровском —
Я одинова со братцем со родимым,
Хоть одну была уречную неделюшку,
Я навиделась, победная головушка,
И насмотрилась на солдат новобранных,
Как ходили на ученице великое;
И хотя ж ветрышки-то были со погодушкой,
И была стужа со морозама крещенским,
И все неверны камандеры страховитыи,
И столько этих солдатушков молбдых
И приучали ко оружию завоенному,
И штобы вдруг ровно направо повернулись,
Штоб в минуточку оружия перекинули.
И их повыстанет шириночки казенныи;
И плечо с плечом ровно б у них ровнешенько,
И буйна голова была бы у их прямешенька,
И отойдут да камандеры тут ведь ротныи,
И оны впрям глядя по плечушкам могучиим,
И оны вточь глядя по буйной по головушке;
И новобранныи солдатушки несчастныи,
И все к оружию оны не применилися,
И оны ввытяжку стоять да не навыкли,
И поворотушков держать да не умият!

И горячі да эты ротныи — свирепыи,
И отдалі да оны скоро поразойдутся,
И закричат оны злодии по-звериному;
И как этых несчастных солдатушков
И оны ткнут да все во правое во плечушко,
И как у этых солдатушков несчастных
И со ясных очей да слезы вдруг повекутут...
И как у нас, да у печальных головушек,
И обмират наше ретливое сердечушко,
Уж как глядячи на скачѣных жемчужинок!
Хоть в белѣ личѣ дуют буйны эты ветрышки,
В ясны бчи бьет погода непомерная,
И никуды, бедны солдаты, не увѣрнешься,
И по фатерышкам, несчастны, не разойдешься!
И от снежкѣ да зябут резвы у их ноженки,
И от оружица несчастны ручки белыи,
И от морозушку сердечко перетрескает;
И не одеты там собольи белы шубоньки,
И одны только мундѣры сукон серых;
И у их здрагиват несчастно тело белое!
И мне-ка жаль того, победной головушке!
И лучше я, бедна горюшица, радела бы
Ему скорую злодийну бы смерѣтушку,
И опустила бы, горюша, во сыру землю!
И тут не ржавело б победно ретливѣ сердчѣ,
И где таскается несчастно наше дитятко:
Иль зябет да по студѣной он по зимушке,
И летной пѣрой на дождях стоит сыпучиих,
И на страстях може, светушко, на ужастях!
И мое трескае ретливое сердечушко:
Ой, несчастныи солдаты, неталанныи!
И как у вас, да у победных головушек,
И без угару розболится буйна гѣлова,
И от побоюшков у вас да от тяжѣлых!
Наб бояться-то судей неправосудных,
И покоряться наб властям немилосердыим,
И подражать да вам кажинную минуточку!
И буди проклята на сем да на белѣм свете —
Уж как это зло-великое несчастьеце,

Всё злодйное проклято бе таланнице —
Уж как эта грóзна служба Государева!
И труднá-тяжела ведь служба Государева:
И день и ночь служить солдатушкам несчастным;
И нет покою-то ведь темной этой ноченькой,
И нет отдóху на Бладычны Божьи празднички;
Дробить наб, да как начальству-то являтся:
Штоб мундеры сукон серых наглажены,
Как оружице всё было бы начищено,
И сабли острые всё были бы насветлены,
И плотно-наплотно ведь были б подпоясаны!

***Если рекрут пошел охотой за братьев, то соседка
продолжает:***

Да ты слушай же, спорядной мой суседушко!
И ты окинулся на братицев родимых,
И на их ласковы прилестыи словечушка!
И ублаждают тебя доброго ведь мóлодца,
И тебе цвётно ноньку платьице наряжено,
И тебе ествушки сахарны составлены,
И тебе пítьица медвяны налáжены,
И для прогулушки добры кони подпряжены.
И да ты дúмашь, спорядовой мой суседушко,
И што ведь век будет тебе да уваженьице?
И не веко́во уваженьице — часóвое.
И тебя сда́ют как во службу Государеву,
И позабудут светушкí-братцы родимыи.
И буде Бог судит Бладыко многомилосливой,
И по-благу́ служить ведь службу Государеву,
И буде выслужишь уречны эти годышки,
Буде возвратишься на родимую сторонушку,
И не будет тут от братьев уваженьица,
И приобидят тут солдатушка несчастного,
И сговорят да тебе братица родимыи:
«И ты не дольщик крестьянской нашей жирушки,
И не участничек участкам деревенским,
И не пристройщик к хоромному строеньицу,

Ты не пайщичек любимой скотинушки!»
И позабудут светушкí-братцы родимьи,
Оны нынешню напасть-беду великую,
И сговорят еще солдатушку несчастному:
«И ты ведь дольщичек все службы Государевой,
И ты участничек солдатушков походных,
И ты пайщичек казармам всё казенным,
И половинщик ты оружьям завоенным!»
И заобидишься, солдат, ты закручинишься,
И во слезах да ты ответишь таково слово:
«Бог судья вам, светушкí-братцы родимьи!
И как во тó пору былó да в тое времячко,
И когда грозна эта служба сустигала,
И вы не шли да туды братцы, не давалися,
И вы ведь мной, да горегорьким, заменялися!
И кабы знал да я, несчастной, про то ведал бы,
И вас не слушал бы я, братьцев родимых,
И не окинулся б на ласковы словечушка,
И не сменял бы ум-тот разум на безумьце,
И я не шел бы в грозну службу Государеву!
И хоть бы в горе жил — на вольной своей волюшке,
И хоть я в хúдом был, победной, во житьишечке,
И столько на своей любимой бы сторонушке!
И как за вас, да светушки-братцы родимьи,
И много страсти я привíдал, много úжасти
И большí того — побоев превеликиих!
Белы рученьки мои да примахалися,
Белы ноженьки мои да притопталися,
Ясны очушки мои да притомилися,
Бедна спинушка моя да пороспластана,
И вся утробушка моя да перержавела!
От подтычин я не вижу света белого,
От поúшенья не слышу ветра буйного!
Бог судья вам, светушки-братцы родимьи!»
И тут вспомнишь ты кручинную головушку,
И ты меня, да ведь приближную суседушку:
И говорила как спорядная суседушка,
И так ведь íзбылось и в точь все обрещáлось!
И ты не гневайся, сдвольной белой светушко,

И на мое да ты нескладне причитаньице!
Хоть не умильно я, горюша, причитала,
Столько ума-разума в головку придавала!
И хоть не много жизнь солдатскую видала,
Знаю-ведаю, победная горющица,
Каково да им, несчастным, уваженьице!

Суседка к матери, если она не причитает:

Порасстроньтесь-ко, народ да люди добрыи,
Дайте мистечка вы мни да несомношечко,
И с одну лётную со малую тропиночку,
И вы со эту дубовую мостиночку,
И не на добром мни комони проехать,
И единой пройти, кручинной мни головушке,
И мне ко милой спорядной суседушке,
И повзыскать мне-ка, печальной головушке,
И мне, победной, бедну мать горегорькую!
И я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И я на милую спорядную суседушку:
И што сидит да на брусовой она лавочке,
И у ей поджато ретливое сердечушко,
И принаклонена несчастна буйна голова
И утолнены ведь очи на дубовой пол,
И вопотай рушит, горюша, горючи слезы?
И ты послушай же, спорядная суседушка!
И не попустишь ты унылой жалкой голосок,
Хоть не умильное бы складне причитаньице,
Все не гля чести, горюша, не гля похвалы,
И со великой бы злодийной ты кручинушки!
И хоть горючи, бедна, слезы проливаешь,
И не повиря того добры тебе людюшки,
И про тебя, да про несчастную головушку,
И между ду-другом тихонько разговаривают:
«И не жалие, знать, сердечного ведь дитятка,
И свою милую скаченую жемчужинку!»
И не могла стерпеть, кручинная головушка,
И содержать свое ретливое сердечушко,
И подошла да я, кручинная головушка,

И наздыну свои несчастны белы рученьки
И на твои столько печальныи на плечушки:
Ты послушай, спорядовая суседушка,
И што сидишь да на брусовой на лавочке
И не подходишь ко сердечному ко дитятку?
И он похаживат, удамый добрый мо́лодец,
Хоть по доброму хоромному строеньицу,
И нету сродчев у него, да видно, сродничков,
И нету любушек-сестриц, видно, родимых!
И по головушке никто да не подранивает,
И по несчастным его плечам не поглаживает!
И подойди да ты, родитель-родна матушка,
И ты наздынь свои, родитель, ручки белыи
И на печальну молодецкую головушку
И на несчастныи могучи его плечушки!
И видно у тебя, печальной у головушки,
И плотно-каменно ретливо, знать, сердечушко,
Што отдалі ходишь, горюшица, туляешься
И от сердечного рожёного от дитятка!
И как у твóей скачёной жемучужинки
И закручинилась несчастная головушка
И закатился, знать, катучий белой камешек
И на печальное бурлацкое сердечушко
И на несчастну молодецкую утробушку!
И он без ветрышка, наш светушко, шатается,
И ума-разума, победной, он срекается!
И он похаживает, свет, да выговаривает,
И он во все в эвты во добрыи во людюшки;
И сговорит да он, победной, таково слово:
«И я не знаю, добрый мо́лодец, не ведаю,
И што разгневалась желанна моя матушка
И на несчастного уда́ла до́бра мо́лодца?
И кругом-около родитель не обхаживат,
И ко мни во́ глаза родитель не поглядыват,
И про запас да в молодецко бело личушко!
И подойди-скажи, родитель-родна матушка,
И чим разгневал я, уда́лой доброй мо́лодец,
И отрешил чим я родительско желаньице?
Аль ты слушаешь любимых своих детушек,

И моих мѣлых светов-брѣтъицев родимых?
Ты подумай же, родитель-родна матушка,
Как мои да света-брѣтъица родимы
Изживают миня, бѣдна добра мѣлодца,
И быдто лютого зверя да из темна леса,
И быдто лютую змею да из чиста поля!
И, знать, что я, бедной несчастной доброй мѣлодец,
И, знать, не дѣтятко тебе да не роженое,
И, знать, не вси ровны сердечны тебе детушки,
И теби пѣ люби, знать, дети оставаются!
Уж как вы, мои желанныи родители,
Изгоняете несчастную головушку,
И быдто зайшка с-под ракѣтова под кустышка,
И горносталя с-под катуца бела камешка!
И можно знать, моя родитель-родна матушка,
И про несчастного удала добра мѣлодца:
Уже так мое сердечко разгоряется,
И зла великая кручина расходилася,
И на сердечушке тоска да распалилася,
И белой свет да со ясных очей теряется!
И чем разгневал я родитель тебя-матушку,
Так ты в том прости, родитель жалосливая,
И не гневилася бы, победна моя матушка,
И при последи-то меня да поры времячки!
И не дивилася бы ты добрых-то людюшек,
И не знобилася бы несчастного сердечушка!
И мне пройти было, несчастну добру молодцу,
И мне во этой бы унылой задний угол
И ко желанной к родителю-ко матушке,
И приклонить своя бурлацкая головушка,
И покорить да всё печальное сердечушко!
И не прошу да я, удалый добрый мѣлодец,
Я не злата-то у вас, да всё не серебра,
И не прошу да золотой казны по надобью!
Я прошу столько, родитель-родна матушка,
Я родительское прощенье с благословеньцем!
И как што сдиется, родитель-моя матушка,
И над несчастной бурлацкой головушкой,
И как во этой во полаты белокаменной,

И буде Бог судит несчастну добру мóлодцу
И во злодийной быть во службе Государевой,
И не спокиньте-тко несчастна добра мóлодца,
И вы приидьте-тко во город во Петровской;
И не забыдьте, светы-братьица родимыи,
И во поход меня, несчастна, проводите-тко!
И обмендерят как несчастных нас головушек,
И увидаете, сердешныи, узнаете
Тут про нашу бедну жизнь да про солдатскую,
И про несчастное яденье со питемьицем,
И про тяжкии побои превеликии,
И про зло это начальство страховитое,
И про злых этих судей да скрозекозных!»

Другая соседка к матери:

Я ответ держу, кручинна нынь головушка,
И я тебе, милой спорядной суседушке!
И да ты слышала, победна, в глаза видела:
И скрóзь обиду твое дитятко высказыват,
И скрозь горячи он ведь слезы выговариват,
И приклонил свою несчастну он головушку,
И покорил да бесталанно ретливó сердчё
И он со этыма слезама со горячима,
И он при всих да ведь при добрых при людюшках,
И при ближних спорядовых суседушках;
И он повысказал, удáлой доброй мóлодец,
И какó его из дому похожденьице!
И жаль-тошнёшенько удáла добра мóлодца:
И он вóзрастом, наш свет, да не малёшенек,
И на походочку, наш свет, да быдто стопочка,
И во лица да всё белила со румянама,
И развеселы молодецки ясны очушки;
И по полатушке пройдет да свет — не стря́хнется,
И говорит да наш свет-то — не мешается,
И знать, приглянется судьям там поставлénным!
И ты послушай, спорядовая суседушка!
И кабы ў тебя, кручинной у головушки,
И во сердцы́ было велико бы желаньице,

И во устах были прелестны бы словечушка,
И до печального сердечного до дитятка,
И не допустила бы, победна, во резвы́ ногі
И ты приняла б на белы свои рученьки,
И от тошнá горя к сердечку прижимала бы,
И со кручины к бѣлу лічю прилагала бы!
Уговорила бы дитѣ да уласкала бы,
И наказала бы сердечному ты дитятку
И ты умильным родительским словечушком:
«И как поедешь ты, сердечно мило дитятко,
И ко злодийному ко городу Петровскому,
И на пути да гди на широкой дороженьке,
И где увидишь ты часовни богомольныи,
Где прознаѣешь да ты церкви посвященныи,
И во часовенки зайди да ты на спáсенье
И в Божьи церкви заходи да ты на мóление,
И да ты ставь-ко там свечи да всё рублевые,
И засулай-ко пелены да всё шелковыи,
И ты Пречистой Пресвятой да Богородице;
И молись да ты там Богу от желаньица,
Штобы Господи Бладыко-Свет помиловал
И от злодийной грозной службы Государевой,
И возвратил бы на родиму тебя родинку
И во свой да дом, крестьянскую во жирушку!
И ты начальству во палаты не годился бы,
И черным вороном в глаза до показался бы!»
И ты послушай, спорядовая суседушка:
И когда дитятко тебе да покорялось,
И как несчастная головка приклонялася,
И ко тебе да все во резвыи во ноженьки,
И у тебя, моя спорядная суседушка,
И не сдынúлись тут ведь бѣлы твои рученьки
И на печальну на бурлацкую головушку
И на обидны его желтыи кудѣрышка!
И, знать, на ту пору уста да запечатались,
И у тебя, да у спорядной у соседушки,
И не ворóтится ведь нынь да всё речист язык!

Соседка, у которой брат в солдатах, к народу:

И вы послушайте, народ да люди добрыи,
Што ведь я скажу, кручинная головушка!
Сама по себе, горюша, разумить могу,
Я была в такой ж великой кручинушке,
Я в несносной злодийной тоскичушке!
И как со светушком я братцем расставалася,
И всё горючима слезами обливалася,
И во горях добрых людей не узнавала
И родимого я братца не видала!
Не дивуйте-тко, народ да люди добрыи,
И также этой спорядовой суседушке:
Ведь детиня тоска — неугасимая!
И, може, нет да ума-разума в головушке
И у ей рбзмыслу в ретливом сердечушке;
И как сегодня, сего денечка Господнего
И без ума, да може, мать ходит — шатается!
И вы не вирите, спорядныи суседушки,
И нам несчастным, кручинным головушкам:
И вы во добрых живете все во жирушках,
И вы незгоды над собой да не выдаюца,
И вы кручины-то-печали не слыхаюца!
И, може, рада бы она да причитать —
И она в грамоты, горюша, не училася
И всё от добрых людей да непонятная!
И не начаялась она да не надиялась
И над собой да всё великой кручинушки:
И она в дброй во крестьянской жила жирушке,
В добре рбстила сердечных она детушек;
И она думала победным, може, разумом,
Што повырощу сердечных своих детушек
И отпущу да их на чужу на сторонушку
И по охотным бурлацкиим роботушкам,
И наживут да золотой казны по надобью;
И да мы приберем бурлакушка-охотничка,
И добра мблнца возьмем да мы нанёмщичка,
И задайм да золотой казны бессчётной
И слободам да мы бурлачкую головушку!

И не по думушкам теперь да дело ставится,
И не по размыслам у ей да обрещается:
И хоть возрѳстила сердечных еще детушек
И сожалела отдать в добрыи во людюшки
И содержала на родимой их сторонюшке
И все во доброй, во крестьянской во жирушке!
Еще думала спорядная суседушка:
«Може, годышки-то будут не бедовыи,
И не придут скоро наборы Государевы?»
И как по ейному великому несчастьицу,
И пошли годышки теперь да всё бедовыи,
И времена пошли с бедáма со напастями,
И часты́ пошли наборы Государевы!
И выбирать стали уда́лых добрых мѳлодцев
И всё по полному бурлацкому по возрасту,
И красотой да всё по белому по личушку,
И на походочку, бурлакушков, щепливую,
На поговорюшку рекрутиков учливых!
И как у ей да тут, спорядной суседушки,
И тут повѳзрасла сахáрна деревиночка,
И вдруг ведь рáсцвела изюмна ягодиночка;
И тут ведь знать стали народ да люди добрыи,
И тут проведали судьи́ неправосудныи,
Што к набору е скачѳная жемчужинка!

Та же соседка к матери:

И ты послушай, спорядовая суседушка!
И ты проглупала скачѳную жемчужинку,
И прозабыла ты, печальная головушка,
Как в досюльны времена да было-годышки:
И были людюшки ведь е да запростейшии,
Уж как прежний-то народ да был ведь спáцливой,
И новгородскии крестьяна не балѳвливы,
И как судьи́ да в тую пору правосудливы,
И как власти́ да тогды были милосердыи,
И были врѳмячка в ту порушку спокойныи!
И прозабыла ты, печальная головушка,
И што ведь времечко идет да ускоряется,

И пошли людюшки ведь е да всё балóвливы,
И судьи-вла́сти-то пошли да скрозекозныи,
И начальнички пошли да всё бездельныи,
У их женушки пошли да белорукии,
У их дóчушки пошли да ничевухи:
И не ткиюшки оны, да не прядеюшки,
И одно у их в умы, да одно в разуме:
И все белила-то у их, да со румянами,
И как хвостом вертеть, да как ногой тряхнуть;
И не знают-то, несчастныи, не ведают,
И што ведь дом вести — не головой трясти!
И как от этого велика беззакония,
И как от ихного теперь неправосудья
И на часу́ да все законы составляются,
И на минутой вси статьи да рассуждаются;
И мужиков-то все судить да добираются,
И их на́глядко, несчастных, разоряют!
И как за наше за велико согрешенье
И пошли годышки ведь нонь да всё бедовыи,
И зачастую неприятель все волнуется,
И под Русию подселенну подбирается,
И пошли ча́сты нонь наборы Государевы!
И ты послушай, спорядовая суседушка!
И да ты вла́стна всем сердечным своим детушкам,
И ты бы ладила в урёчны их во годышки,
И ты бы славным купцам да все богатыим,
И ты бы на́жила золотой казны бессчётной;
И не спала бы ты по темным по ноченькам,
И ты ездила б к судьям неправосудным,
И ты по этим писарям да хитромудрым,
И на безлюдье золотой казной дарила бы,
И штоб подальше жеребья да отложили бы
И твою милую скачёну бы жемчужинку!
И нынь схватилася спорядная суседушка
И жалить да все сердечно свое дитяtko,
Как поблизёшеньку в бумажку записали!
И ты проспáла-то по темным по ноченькам,
И нынь проглупала по Божиим по дёнечкам;
И наб вдруг спустить сердечно нонько дитяtko

Из очей да ведь скачѣную жемчужинку,
И единѣшенька удала добра мѳлодца
И от доброей крестьянской от жирушки!
И вам укор да от спорядных суседушек;
И обиждаться-то сердечно буде дитятко,
Што поотдали во службу Государеву,
Пожалили светушкѳв-братцев родимых!
И, звать, так сужено скачѣной жемчужинке,
И на родѳ судьба несчастному уписана,
И на делѳ да, видно, служба доставалася
Твоему да все печальну милу дитятку!
И как на этой на урѣчной на неделюшке
Я заметила, печальная головушка:
И как поедет-то несчастной доброй мѳлодец,
Он на доброй на ступистой лошадушке,
И на хороших на санках самокатных,
И он на славном коври новгородском,
И принаклонит-то бурлацкую головушку —
Я повыду на крылечико перѣное,
Я гляжу да на путь-широку дороженьку,
Я в роздольце, горюша, во чисто поле,
И на несчастного удала добра мѳлодца;
И он иде путем-широкой дороженькой,
И он раздольцем, победной, все чистым полѣм,
И он глядит да на четыре вси сторонушки
И молодецки горьки слезы проливает!
И он с головушки фуражечку снимает,
И кашемировой платочек вынимает,
Им подмахиват несчастно бѣло личушко,
И утирает, бесталанной, горючѳ слезы!
Звать што ведае ретливое сердечушко
И над собой да злу великую незгодушку!
И прогляжу, бедна горюша я несчастная,
И как на светушка я братца на родимого.
И ты послушай, спорядовая суседушка!
И ты бы взяла золотой казны по надобью
И ты сходила бы во улички рядовыи,
И ты во лавочки зашла бы во торговыи,
И закупила лист бумаженьки гербовою,

И наняла бы писарев да хитромудрых;
И ты списала у скачёной бы жемчужинки
И его ласковы, прелестны бы словечушки,
И ты учливу бы умильню поговорюшку,
И ты цветно бы бурлацко его платъице
И бессчастно молодецко его личушко,
Бесталанны бы слезливы ясны очушки!
И ты держала бы во правой белой рученьке,
Прижимала бы к ретливому сердечушку,
И прилагала бы ко блеклому ко личушку;
Ты на Светло бы Христово Воскресеньице,
На стопочке держала бы точеной!
Как во нашем селе да деревенском,
Как у нашей Божьи церкви посвященной
И во приходе буде праздничек годовой,
Как приезжать да станут сродчи-милы сроднички
И соберётся вся порода именитая,
И да вы сладите обеды полуденныи,
И тут сходила в мелкорублену бы клеточку,
И ты бы принесла патрет да личе белое
И становила бы за стол да за дубовой,
Ты на это бы косевчато окошечко!
И сродчи-сроднички глядели-любовались бы,
И ты сама села, победна бы головушка,
И супротив бы ты патрета лича белого,
И ты дровичла по гербовой бы бумаженьке,
И туг вспомнила сердечно ты бы дитяtko;
Вси бы род-племя любимо вспамятили бы,
Как за этим столом да за дубовым!
И нагяделась бы, спорядна ты суседушка,
Как на сердечное рожёно свое дитяtko;
И ты бы причётью, горюша, причитала,
И сговорила бы, бессчастна, таково слово:
«Хотя ж прибрались вы, род-племя любимое,
Хотя ж вси вкупе порода именитая,
И единой нету скачёной жемчужинки!
И мы не знаем-то, победнушки, не ведаем,
Где победное дитё да обрещается!»
И светы-братъица с породой угощаются,

И за дубовым столом да проклаждаются,
И единое, може, несчастно это дитячко
И трои суточки ведь, дитё, не едаюца,
И неделюшку спокою не выдаюца!
И, может, на страсти, наш светушко, на ужасте,
И на сраженьице, наш свет, да на великомое!
Не до Владычного Господнего до праздничка
И не до сладкого ему да уеданьица!
И, может, горькими слёзама обливается,
И ретливо сердце ведь кровью запечаталось,
Как во этой грозной службе Государевой,
И во несчастных солдатушках походных!
И в слезах вспомнит он родиму свою рдинку,
И сговорит столько несчастной доброй молодец
И между братией-солдатами походными:
Как сегодня, скаже, денечка Господнего,
Как на моей на родимой, скаже, стороне,
И как у нашей Пресвятой да Богородицы,
И е престол да ведь Господень Божий праздничек,
И е гуляньице на широкой на улице.
Как собраньице душам да красным девушкам,
Все гульбищечко удалым добрым молодцам!
Уж как мы, бедны несчастны солдатушки,
Не на гульбищечке ведь мы да проклаждаемся,
С завоенным мы оружием забавляемся,
И нас не носят с горя резвы нонько ноженьки,
И не глядят да на свет ясны наши очушки!
И ты послушай, спорядовая суседушка:
И пожалела золотой казны бесчётной,
И не пожалела ты сердечно свое дитячко,
И ты не наняла писарёчка хитромудрого,
И не списала еще, победна ты головушка,
Как ведь дитячко тебе да выговаривал,
И скрозь обиду при добрых людях высказывал,
Што ублаждали-то его да как нанёмщика;
И обиждалося сердечно мило дитячко,
И на тебя да на родитель все на матушку,
И он на светушков на братьицев родимых!
И не списала на спомин своей скачёной жемчужинки,

И на роздїй своей великоюй кручинушки!
И мѳлча схватишься, спорядная суседушка,
Да как пѳживешь с любимыма со детушкам!
И не будет-то, победной, приберѳгушки,
И уваженьица от милых своих детушек,
И тут вспомнишь ты скачѳную жемчужинку,
И ты печальное сердечно свое дитятко,
И скрозь обидушку, горюша, ты великую,
И да ты дѳждешься разливной весны красной,
И ты повѳдешь все на шѳроку на ѳличку,
И с горя сѳйдешь ты к крутому ко бережку;
И быстры риченьки теперь да поразѳльются,
И сине славное Онего пораспѳлется,
И ты глядѳть станешь за сине за Онегушко,
И ты наглядать будешь чѳрных бѳльших кѳраблей
Издалекѳ, бѳдна горюша, из синѳ морѳ:
Не забиліют ли там тѳнки белы парусы,
И не покажутся ли чѳрны бѳльши кѳрабли,
И не подѳедет ли сердечно мило дитятко,
И он ко пристани, наш свет, да корабельной,
И он на тихий, наш светушко, на зѳводи?
И не дождѳшься ты, печальная головушка,
Взад воротишься в хоромное строеньице!
И ты патрет взяла б — бело его личушко,
И ты ходить стала б по хоромному строеньицу,
И ты во светлую сходила бы во свѳтлицу,
И ты носила бы патрет да бело личушко
И супротѳв очей во белых своих рученьках,
И ты клала бы на стол да на дубовой!
И обходя ж, да ты патрету поклонялася,
И ты горючима слезами обливалася,
И тут раздяляла велику бы кручинушку,
И тут спромолвила едѳно бы словечушко:
«Наглядитесь-ко, несчастны мои очушки,
И вы на эту на гербовую бумаженьку,
И как на милое, сердечное на дитятко!»
И пораздумайся победным своим разумом:
И твои ноженьки, победна, притопталися,
И твои белый-то ручки примахалися,

И ясны очушки твои да притомилися,
И твоя сила у несчастной придержалася,
И твой век да у горюши скоротался ведь,
И пристарела ты, спорядная суседушка,
И не видать, може, сердечна будет дитятка,
И, може, на́слыхе, горюше, не слыхать буде!
И быдто вешняя вода со льдом разойдетсся,
И также ты, бедна, со дитятком расстанешся:
И поразлучат-то победную головушку
Как во этом тебя городе Петровском,
Во приёмной палате белокаменной,
Уж как этии судьи неправосудныи,
Уж как этии власти немилосердыи!
И отведут этих несчастных рекрутиков
Как во эти во казармы во казенныи!
И вы без спросу к ним, победныи, не сходите,
И без доклада вы в глаза да не увидите;
И как их выпустят на широкую на уличку,
И впереди да у их будут провожатели,
И позади дают солдата караульщика;
И хоть пойдешь, бедна, в казармы во казенныи,
И золотой казней ведь надо подаритися,
И угостить надо ведь дячков-то со старшима,
И угостить надо, горюшице, употчивать!
И ты послушай, спорядовая суседушка!
И я поробскажу печальной всё головушке,
И накажу тебе, спорядной суседушке:
Я сама была, печальная головушка,
И во злодийном была городе Петровском,
Я со светушком со братцем со родимым;
Я сама знаю, горюша, про то ведаю,
И как ходить да во казармы во казенныи,
И по часам ходить туды да по минуточкам!
Я ходила как ко братцу ко родимому,
У дверей да я дарила все придверничков,
И угощала его крепких караульщиков,
И придержала золоту казну бесчётную!
И хотя ж придем мы по утрышку ранёшенько,
И крепко-накрепко воротушки призаперты,

И плотнёшенько решёточки задвинуты;
И кругом-около, горющицы похаживаем,
На часовых этих солдатушков поглядываем;
И поскорёшеньку ль ворота поотложатся,
Што решёточки в казармы приотдвинутся ль,
Скоро ль выпустят скачёных жемчужинок
Прогулять их на шіроку на ўличку
И повидать да нам, победным головушкам!
И ты вспомнишь, спорядовая суседушка,
И мое бедное, уныло причитаньице!
И не радела бы, печальная головушка,
Порасстаться-то с сердечным тебе дитятком!
И все не вирят-то судьи неправосудныи,
Не разумиют все власти немилосердыи,
Што нам жаль-тошно сердечных милых детушек!
Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И на твое да на сердечно мило дитятко:
И быдто вёшная земля да ворошёная,
И твое милое сердечно сидит дитятко,
И вдруг подзяблая изюмна ягодиночка,
И вдруг подсохшая сахарна деревиночка!
И скрозь туман да печё красно это солнышко
И на несчастного уда́ла добра молодца,
И долит его великая заботушка,
Ушибат его злодийная незгодушка,
И жаль расстаться-то сдовольну бѣлу свѣтушку,
И ему с добрым, хоронным строеньицем,
И со светлой ему да всё со светлицей!
И как сего дня, сего денечка Господнего,
И как у вас да во столовой новой горенке,
И хоть расставлены столы у вас дубовыи,
И на столах да самовары хоть шумячии,
И хоть садились сердечны твои детушки
И на стульица садились на кленовыи,
И дружьев-братьицев садили все приятелей,
И своих милых садили поровѣчников,
И мы глядили все, победныи головушки,
И со сторён да на скачёных жемчужинок:
И у единого сердечного у дитятка

Как дрожат да молодецки белы рученьки,
Как поднять да эта чайна столько чашечка!
И он не чаю столько, свет, да искушает
И он горячи бедны слезы проливает.
И твои детушки ведь тут сильно расплакались
И за дубовым столом да разобидились,
И оны ду-другу тут, братья, покоряются,
И едину да свету-братцу поклоняются
И наливают ему чару зелена вина.
И говорит эта скачёная жемчужинка
Он своим да светам-братьям родимым:
«И што за чудышко теперь да причудилось,
И што за дивно в доме диво проявилось,
Што дубовые столы да порасставлены
И тонки, гладки сукна́ да поразостланы,
И што собраньице народу-людям добрым?
И я взгляну да на косевчаты окошечка:
И прикручинивши косевчаты окошечки,
И на слезах стоят стекольчаты окóленки!
И при печали самовары-то шумячии!
И што почтеньице от братьев угощеньице
Уж как мне-кова уда́лу добру молодцу?
И не честнёе ведь у нас да пированьице,
И не весело у нас да столованьице:
И за столом да я не князь сижу молóдой,
И сижу мóлодец теперь я под неволюшкой,
И при досадушке сижу да я несносной!
Уж вы слушайте, дружье-братье, приятели!
Уж вы пейте ча́и-ко́феи горячии,
Взвеселите-тко победную головушку,
Вы воспойте-тко унылу жалку писенку,
Я менять буду кручину на весельице!
И как послі меня, дородня дóбра мóлодца,
И вы пойдите, бурла́ки, на гуляньице,
И вы на тихии смиреннии беседушки,
И вы вспомните несчастна дóбра мóлодца
И во шестерочках, бурлакушка, веселых!
И столько нéвесто, дружье-братье, приятели,
Не могу да знать, уда́лой дóброй мóлодец,

И мне-ка быть ли на родимой на сторонушке!»
И сговорит еще уда́лой дóброй мо́лодец:
«И супротив стоишь, родитель-родна матушка,
И хотя ж рушишь ты, горюша, горючи слезы,
И как послаи меня, родитель жалосливая,
Буде сжалу́ешься до бессчасна дóбра мо́лодца!
И ты гляди, моя родитель-родна матушка,
На моих дружьев гляди да на приятелей,
И на любезных гляди да поровечников!
И зазови моих любезных поровечников
Хоть на Владычной ты Господень Божий праздничек
И угости, моя родитель, их, употчивай,
Будто свбего, родитель, да ты дитятка!»
И ты послушай же, спорядная суседушка:
И примечай его ласкóвыи словечушка,
И прилагай слово к ретливому сердечушку,
И поплотнее ты ко зяблоей утробушке!

Та же соседка к рекруту:

И ты послушай, златокрылой наш ясен сокóл,
И да ты милой, спорядовой наш суседушко!
И не забыть буде победным нам головушкам,
Всё тебя да нам уда́ла дóбра мо́лодца!
И мы сберемся как, спорядныи суседушки,
И на сидíму, на прядимую бесёдушку,
И хоть придут да твои милы поровечники,
Не забудем мы, печальныи головушки,
Всё тебя, да златокрыла ясна со́кола,
И всё печальных словечушек слезливых
И всё обидных наказов молодецкиих!
И скррзь обиду доброй молодец высказывал,
И скрозь злодийную кручину выговаривал,
И жаль-тошнёшенько победным нам головушкам,
И тебя, милую скачёную жемчужинку!
И поговорюшка была твоя учливая,
И разговорюшки-то были чваковитыи,
И ты шутил да всё на шíрокой на ўличке,
И не обидел ты ведь добрых-то людушек,

И не грубил да спорядовых суседушек,
И не кливил да ты ведь малых этих детушек,
И шутя времечко у света проходило!
И сожалием мы, печальныи головушки,
И за твое да за велико доброумице,
И за прелестны твои ласковы словечушка!
Вси жалиют многи добры тебя людушки,
Вси окольныи спорядныи суседушки,
И жалиют тебя малы недоросточки!
И за столом да сидит молодец дубовым
И хоть на стульицах, наш свет, да на кленовых,
И молодецкой буйной головой покачиват,
Он несчастныма кудёркама потряхиват,
И он горячима слезамы обливается,
И великою кручиной утирается,
И не в любимую дороженьку справляется,
И не по разуму извощички молодыи!
И не везите-тко, ступистыи лошадушки,
И вы несчастного удала добра молодца
И ко злодийному ко городу Петровскому,
Ко приёмной палате белокаменной!
И на пути да добры кони становитесь-ко,
Уж вы взад да со дорожки воротитесь-ко;
И возвратись, да наш спорядной ты суседушко,
И ты взад да на родимую сторонушку,
На утехушку ты нам — на доброумице!

Та же соседка к матери:

И ты послушай, спорядовая суседушка!
И ты отпустишь как сердечно свое дитяtko,
Ты к злодийному ко городу Петровскому,
И затопи, бедна, свещи да воску ярова,
И ты Пречистой Пресвятой да Богородице,
И ты молись, бедна горяша, с горячмы слезмы,
Ты ведь Господа Бладыку все упрашивай,
И сохранил бы столько Господи, помиловал
И твое милое сердечно это дитяtko
И все от этой грозной службы Государевой,

И от несчастных солдатушков походных,
И возвратил бы он рожёно твое дитяtko
Его в дом да во крестьянскую во жирушку,
Воскормителем победным головушкам!
И ты послушай, спорядовая суседушка,
И што скажу да я, кручинная головушка:
И буде Господи его да не помилует,
От злодийной от службы Государевой,
И да ты съидешь как ко городу Петровскому,
И про запас гляди, победна ты головушка,
И на сердечное печально свое дитяtko;
И подли сядь да ты скачёной жемчужинки;
И ты подумай при послéди думу крепкую!
Потуряют-то судьи неправосудныи,
Потужают в путь-ширóкую дороженьку,
И сговорят столько судьи неправосудныи:
«Одевайся-тко, уда́лой дóброй мóлодец,
Надевай-ко свое цветно это платице,
Снаряжайся со хоромного строеньица,
Ты прощайся со родителю со матушкой,
И с суседами прощайся спорядовыма,
С своей милой породой именитою,
С дружём-братыцем прощайся, со приятелям!»

Та же соседка к двоюродным сестрам рекрута:

Вы послушайте-тко, белыи лебедушки,
И да вы любушки-сестрицы сдвуродимыи!
И како ж было сердечное желаньице,
Все до вас было до белых лебедушек,
И уласкал всегда скачена вас жемчужинка!
Как приходить стане Владычный Божий праздничек,
И говорить да стане братец-красно солнышко:
«И уж вы любушки-сестрицы сдвуродимыи,
И вы давайтесь у желанных родителей
И вы к Владычному Господнему ко праздничку,
И во любимо во сердечно во гостибице;
И я свезу да вас там белых лебедушек!»
И допреж сего, поры да этой времечки

Вы снарядитесь, лебедушки, скорёшенько,
И вы пойдите со братцем суровёшенько!
И любовались мы, спорядныи суседушки,
Как ходили вы, лебедки, по гуляньицам,
И утешались вы со братцем, взвеселялися;
И как цвело да на вас цветно это платьице,
И алили в косы алы у вас ленточки!
И вы вспомните-тко, белый лебедушки
И да вам летной был, голубушкам, повозничек,
И да вам зимной безответной был извощичек;
И да вы издили со братцем сдвуродимым
И по гульбищечкам ведь вы да по прокладбищам,
По искат-горам вы издили высокиим,
Вы по этиим унылым по свадебкам
И по тихиим смиренным беседушкам,
И красовались вы сдовольным бёлым свётушком!
И на добром коне была сбруя золочёная,
И на вас цветно было платьице покуплено,
И как пошиты были шубки соболиныи;
И тут снарядитесь с довольным бёлым свётушком,
И вы усадитесь во санки самокатныи;
И со сторонь да глядя добры эти людюшки,
И все дивуются спорядныи суседушки,
И как вы идите с любимым повозничком,
И взвеселяетесь путь-широкой дороженькой,
И воспеваετε унылы жалки писенки!
И шутя времячко, голубки, провожали,
И за весельицем дорожку коротали
И вы со светушком со братцем сдвуродимым,
И вы со милым соколочком златокрылым!
И он заступушка вам был да заборонушка,
И он стоял по вас ведь, белых лебедушках,
И он за вашу за бажёну волю вольную!
И вы вспомните, души да красны девушки,
И по разливной его да вёсны красной,
И вы на трудной крестьянской работушке,
И на чистых полях да хлебородных,
И на зеленых лугах да сенокосных,
И где роботушку со братцем работали,

И заедіно жалки писенки спевали!
И он ведь словечком-то вас да не огрúбил,
И он тяжелой работой не огрúзил!
И были лáсковы прелестны вам словечушка
И вам от эта соколочка златокрылого,
И вам от светушка от братца сдвуродимого!
И вы послушайте, косáты летны лáстушки:
Как што сдиется над им да как што сбудется,
И хто возить да буде белых лебедушек?
И вам не буде столько летного повозничка,
И да вам зимна безответного извощичка,
По гульбищечкам у вас да по прокладбищам
И впереди у вас не буде передовщичка!
Как сдиется над братцем ясным sóколом,
И приотмéните Бладычны Божьи празднички,
Приотложите смиренные беседушки,
Все унылыи слезливы эти свадебки!
И как поедут-то советны наши пóдружки,
И тут вы станете, печальныи головушки,
И вы похаживать по хоромному строеньицу,
И вы поглядывать в косевчато окошечко,
И вы посматривать на шíроку на ўличку,
И тут вы горькима слезами обливатися,
И тут великой обидой отиратися!
И хоть отпúстя вас, победных, на гуляньице,
И целый день пройде у вас, бедных, справляюца,
И вам повозничка, победным, дожидаяца!
И как послі да света-братца сдвуродимого,
И уж как эта соколочка златокрылого,
Не сугреват да вас сугревна ваша шúбенка.
И не цветет да на вас цветно нынько платьице;
И все со этой со великой со кручинушки,
И со злодийной великой обидушки!
И добры людюшки того да принабаются,
И вси суседушки того да насрекаются!
И как послі да света братца сдвуродимого,
Уж как эта соколóчка златокрылого,
Уж вы пóйдете как, белыи лебедушки,
И вы на трудную крестьянску как роботушку,

И вспомятуете, победны, потоскуете;
Потоскуете, несчастны, порасплачетесь;
И среди да тепло-красного ведь летушка
И жалобно да печё красно это солнышко,
И уныло да в саду птички возжупляют,
И оны причетью ведь пташки причитают!
И как у вас, да у печальных головушек,
И унывать стане ретливое сердечушко
И ушибать стане великая обидушка:
И послы светушка ведь братца ясна сокола
И на лугах да вам ведь свет-от не объявится,
И на чистом поле ведь братец не покажется!
И тут вы сядите, обидны красны девушки,
И под ракитовой, горюши, этот кустышок,
И на катучий да вы сядите на камешок,
И думу думать да вы станете тут крепкую
И воскликать да света-братца сдвуродимого:
И как на эту бы пору да в это времячко
Приобъявился бы сдовольной белой светушко
И он во этом бы солдатском хоть во платъице,
И показался хоть на минутной бы часочик,
И поглядѣли бы во ясны мы во очушки,
И мы в печальное во блёклое во личушко!
Не устрашились бы, горюши, не сполóхались,
И мы спросили бы, победныи головушки,
Про несчастно горегорькое живленьице,
И бесталанное солдатско похождение,
И мы досыта ведь, победны, накормили бы
И сладкой водочкой его горе роздяли б!
И не увидите вы, белыи лебедушки,
Из-под кустышка, победны, сера заюшка,
Из-под камешка, горюши, горносталюшка!
И прибирайте-тко, души да красны девушки,
И вы на гóрушках его да на высокиих,
И на гульбищечках его да на прокладбищах,
Из бурлаков прибирайте вы молóдых,
И вы по цветному, горюшицы, по платъицу,
Вы по бѣлу молодецкому по личушку,
Вы по ясным молодецким его очушкам,

И по желтым завивным кудёрышкам,
И по походочке бурлацкой щебливой,
Поговорюшкой его да цвяковитой,
Вы по возрасту, горящицы, по вóлосу
И супротів своей скачёной жемчужинки,
И супротів да света-братца сдвуродимого!
И мóлча схвátитесь, голубушки, — наплачетесь,
Спамятуете, победы, — натоскуетесь;
И не подсядете к скачёной жемчужинке,
И вы ко светушку ко братцу сдвуродимому!
И не поставьте в гнев вы, белые лебедушки,
И што причитаю я, печальная головушка.
Я сама знаю, горяша, сама ведаю
И про злодийную великую обидушку,
И какó да е со братцем расставаньце!
Как со светушкой я братцем расставалася,
И я навеки с ним, горящица, прощалася,
И не надюся, победная головушка,
Я дожждаться своего да ясна сокола
Со злодийной этой службы Государевой!
И он во снях да мни, горящице, не кажется,
И наявú мне-ка, горяше, не объявится,
И не на трудной мне крестьянской работушке,
И не у синего у славного Онегушка,
Не на тихиих, горяше, мне на заводях,
И не на пристанях, горяше, корабельных!
И также вы, бедны кручинныи головушки,
И про запас да вы глядите на красно свое солнышко,
И вы на свéтушка на братца сдвуродимого!
И как у вашей у скачёной жемчужинки
И подрезано ведь нынь да ретливó сердчé!
И наб пойти да со родимой со сторонушки,
Как со доброго хоромного строеньца,
И жаль расстаться-то бурлакушку, тошнёшенько
И распроститься с родом-племенем скорёшенько!
И он горячима слезами оmyвается,
И ретливó сердчé ведь кровью обливается;
И со злодийной великой кручинушки,
И цветно платьице по швам да росшивается;

И со этою великою обидушки
И распоялися перстни́ его — жукóвенья
И на его да молодецких белых рученьках!
И хоть дружё-братё ведут его, приятели,
И хоть по дóброму ведут да по строеньицу,
И по светлой ведут да его светлице,
И он не пьян, да с горя, мóлодец, шатается!
И не дай Господи на сем да на белом свете
И как смотреть да на бессча́стных добрых молодцев,
И на горячий бурлацки смотреть слёзушки,
И на тоску да их глядеть ведь молодецкую!
И лучше на свет оны были б не спорóжены
И как несчастныи сердечны эти детушки,
И бесталанныи солдаты новобранныи!
Как сегодняшним Господним Божьим дёнечком,
И все горит свеча теперечко туманится,
И Пресвята мать Богородица печалится
И сожалиет-то уда́ла дóбра мóлодца,
И как несчастного рекрутика молодого!
И ты садись ноньку, удалый добрый молодец,
И да ты милой спорядовой мой суседушко,
И ты во этот во почёстной во большой угол,
И ты на лавочку, наш свет, да на дубовую,
И ты под мило под косевчато окошечко,
И под туманную стекольчату околенику!
И вы глядите-тко, народ да люди добрыи:
И поскорёшеньку сестрицы подвигаются,
И как клонят да оны буйну свою голову
И как корят оны ретливое сердечушко,
И при послéди-то теперь да поры-времечки,
И все ко светушку ко братцу я́сну со́колу,
И сожалиют оны братца сдвуродимого,
И расстаются с соколочком златокрылым!
И говорит да им скачёная жемчужинка,
И скрозь слёзушки, победной, им наказыват:
«И как пойду да я во службу Государеву,
И вы летныи косаты мои ластушки,
Не забытые вы несчастна дóбра мóлодца,
Не забытые вы солдата горегорького!

И вы спроведайте у добрых у людушек
И напишите скорописчатую грамотку,
И вы пошлите-тко на чужу на сторонушку
Ко несчастному солдату горегорькому!»

Мать к суседям:

Вы послушайте, народ да люди добрыи,
И вси суседушки мои да спорядовыи!
Как утрось было с-по ранному по утрышку,
Как до раннего петунья воспеваньица
И до уныла соловьиного жупляньица,
И красно солнышко в тумане выкаталось;
И добрый молодец с кручинушки ставает
И со обиды резвы ножки обуваает,
И со печали цветно платье надеваает,
Горючмы слезмы личё да обмывает,
И сговорит да он, победной, таково слово,
И он мни, да все родимой своей матушке:
«И благослови да на сесь день меня Господней
И ты, желанная родитель-моя матушка!»
И сговорит еще несчастной доброй молодец
И он в обидушке, победной, таково слово:
«И я спал, да ведь несчастной доброй молодец,
И, знать, последнюю Господню Божью ноченьку
И во своей да я во светлой во светлице,
И на этой на тесовой на кроваточке,
И на своей да на пуховой на перинушке,
И на этом крутом складнеем зголовьице,
И я под теплым соболиным одеялышком!
И не сном-то коротал да я ведь темну эту ноченьку,
И думал думушку, несчастный, во бессоньице,
И обливался я слезами во кручинушке,
И ретливо мое сердечко подмывало,
И несчастная утроба обмирала,
И, знать, приходит та пора да это времечко,
И как последние часы да со минуточкой,
И как мне-кова, удалу добру молодцу,
И наб поехать со хоромного строеньица,

И разлучиться со родителью-со матушкой,
И порасстаться с родом-племенем любимым,
И навек бросить да родиму эту стóрону!
Ой, тошнѣхонько, родитель жалослѣвая,
Мни, несчастному уда́лу дѣбру мѡлодцу!»
И не повирите, народ да люди добрыи:
И не в могутушку слезливыи словечушка,
И не по летушкам великая ознобушка!
Уж как мни, да ведь кокоше горегорькоей,
Вдруг как треснуло ретливое сердечушко,
И перелопала несчастная утробушка,
И оттошнѣ долѣт великая кручинушка
И на глазах слезы у беднушки не ставятся,
И немоготу́ мни сесветное живленьице!

Суседка утешает мать рекрута:

И ты послушай, спорядовая суседушка,
И не давай тоски к ретливому сердечушку,
И береги да ты пристарше свое личушко!
И знаем-ведаем, кокоша горегорькая,
И не в спокое што ретливое сердечушко,
И про твою да мы великую незгодушку,
И про проклятую злодийную кручинушку!
И да ты съезди-тко, кокоша горегорькая,
И ты в эту Божью церковь посвященную,
И ты ко этой Пресвятой да Богородице,
И помолись да ты Бладыке от желаньица!
И ты крест клади, горюша, по-писаному,
И ты поклон веди, победна, по-учѣному:
И ты поставь свещу, горюшица, рублевую,
И пелену да положи ты ведь шѣлкѡвую,
Уж как этой Пресвятой да Богородице,
И ходателю Миколе многомилосливу;
И поклоняйся ты до матушки-сырой земли,
И ты с горючима слезами материнскима!
И ты проси да Пресвятую Богородицу,
И от желаньица проси да со усердием:
«И сохрани, да Пресвята мать Богородица,

И ты меня спаси, кокошу горегорькую,
И ты от этой тоски неугасимой,
И ты от этой печали неудольной!»
И, може, Господи Бладыко-Свет помилует,
И Пресвята мать Богородица заступится,
И сохранит да ведь Микола многомилосливой
Уж как милое рожёно твое дитятко
И во пути да во широкой дороженьке,
И от злодийной этой службы Государевой,
И от этих солдат новобранных,
И от этих полков да ведь походных!

К рекруту — суседка:

И ты послушай, спорядовой наш суседушко!
И за тебя да вси Бладыке мы помолимся,
И мы Пречистой Пресвятой да Богородице,
Штобы Господи Бладыко-Свет помиловал,
Дал бы Господи ведь доброго здоровьца
И ума-разума во буйну бы головушку,
И понятия в ретливо бы сердечушко,
И тебе мудрости в бурлацкую утробушку,
И за твое да за великое смиреннице,
И за твое да за велико доброумнице!
Ведь смиреннице у ты было со кротостью,
И всим челом да было низко поклоненьце;
Ты по уличке ходил да свет тихошенько
И ты головушку носил да понизёшеньку;
Поговорюшка была твоя ровнёшенька,
И сердечушко ведь было не спесивое,
И добрый молодец ты был да не гордливой!
И да ты старого суседа не огрубил,
И да ты малого бладенца не обидел!
И быде сойдешь ты во службу Государеву,
И спаси Господи уда́ла дóбра мóлдца
И от побоев-то тебя да от тяжелых,
И от страстей-властей тебя да страховитых!
И ты послушай, спорядовой мой суседушко,
И не поставь во гнев, сдовольной бёлой свётушко,

Што понáкажу, кручинная головушка,
И не шалí да ты там, дítё, не сбалуйся-тко
Не упивайся во хмельны да там напитокки!
И может, даст да Господь службу нетяжелую,
И раскрое Бог науки вси великии,
И тебе да всё во службе Государевой!
И ты повыслужишь урёчны свои годышки,
И, може, судит Бог Бладыко многомилосливой,
И побывать да на родиму ты сторонушку,
И с родом-племенем, несчастной, увидаешься!
И издалёка да ведь солдаты ворочаются,
И на великиих сраженьицах спасаются.
И еще слушай, спорядовой мой суседушко:
И как катучий этот камень не мохнáтеет,
И так походной-то солдат да не богатеет!
И ты запрóдал бы любимую скотинушку,
И да ты взял бы золотой казны по нáдобью!
И как во этой в грозной службе Государевой
И вы придержитесь, победны, притаскаетесь,
И там износится солдатско у вас платьице,
Вси притопчутся казенны сапóженьки;
И вы к начальству появиться не посмиете!
И вам ведь нé нажать мундеров сукон серых,
И вам ведь нé обуть несчастных своих ноженек!
И еще слушай-ко, спорядной наш суседушко:
И не могу да знать, кручинная головушка,
И увидаем ли, спорядные суседушки,
И мы тебя, да златокрыла ясна sóкола,
И как на сем да мы, горюши, на белóм свете!
И хоть чрез три да вы учётных этих годышка,
И хоть каку да ни е весточку послали бы,
И хоть три строчки вы, победны, написали бы,
И мы бы знали хоть, горюшицы, да ведали:
И вы в какой орды, несчастны, во коей земли,
И в сухопутном ли вы, светы, похожденьице,
И у синя моря ль вы, свéты, на сраженьице,
Аль на кру́том вы ведь, светушки, на бéрежку,
На желты́х пескáх стоите ль на сыпучиих!
И уже где да вы, победны, сохраняетесь,

И от злодией-неприятелей спасаетесь,
И в раздольцах степях ли во великих
Аль в долинушках, победныи, во диких?
И упишите нам, сдольныи бёлы свётушки,
И у вас, мёже, бесчёрстных у солдатушков,
И золота казна на тот час не случается,
И хитромудры писаря будут признаны,
Аль не будет у вас вольной столько волюшки.
И тут приде да как разливна красна веснушка,
Как повытают снежечки со чиста поля,
И повынесе ледочки со синя моря,
И будут корабли в синем море шататься,
И вы на кораблях, бесчёрстныи, скитаться,
И там увидите да малу эту птиченьку,
И как лётит она в родиму вашу сторону,
И понизёшеньку вы птице поклонитесь-ко,
И пословечно перелётной накажите-тко,
И всё ко родушку теперь да вы ко племени,
И хоть по низкому поклону челобитному,
И со обиды об солдатском живленьице.
И мы глядить будем, кручинныи головушки,
И на печальну перелётну малу птиченьку,
И коя летит ниже облачка — низёшенько,
И она машет столько крылышком тихошенько,
И она гóлосом ведет да унылёшенько,
И она жáлобно ведь, птичка, розговаривае,
И она бьет челом тут нам да покланяется,
И поросскаже тут печальным нам головушкам:
«И лечу, птиченька, с-за гор я с-за высокиих,
Из-за лесушков лечу, да с-за дремучиих,
И я со дальноей со чужей со сторонушки,
Из-за славного с-за синего с-за морюшка,
И мы ведь, летячи дорожкой, приустали
И в синем морюшке корабль да увидали,
И на покой да мы на отдых становилися,
И мы на карабли на мачты тут садилися,
И много ужасно солдатом мы смотрели;
И как один столько солдатушко бесчёрстной,
И он по караблю, солдатушко, похаживат,

И он печальну меня, птиченьку, высматриват:
„И ты откуль летишь ведь птича, куды путь держишь,
И на мою ль летишь родиму на сторонушку?
И ты лети да эта птиченька тихошенько,
И ты ведь слéтишь на родиму мою родину,
И ты под сиверну холодную сторонушку,
И ты за славное за сине за Онегушко,
И увидать моих желанных родителей
И всих спорядных моих да ты суседушек!
И скажи низкое поклонно челобитьице
И от меня да от солдатушка несчастного!“»

Та же соседка к братьям:

И вы послушайте, спорядныи суседушки,
Да вы мiлы светушкi-братцы родимыи:
И не забыйте вы несчастна дóбра мóлодца,
И своего да светушкá-братца родимого!
И тяжелá да ему служба доставаается:
И на часах ему стоять да на всенóчных,
И по зарям ему, несчастну, по вечерниим,
И во полночь да под звездáм-то под восточным,
И студёной, холóдной этой зiмушкой —
И на снежках стоять, победному, перистых,
И на студёных морозах-то на плящих!
И как дрожит его ретливое сердечушко,
И от ветрá да зябет блёкло его личушко!
И тут он скажет-то единое словечушко:
«Ой, несчастны мы на свете уродилися,
И бесталанна бедна жизнь наша солдатская,
И горегорька наша служба Государская!»
Уж как вы, да светы-братыца родимыи,
И про злодийну эту службу не прознаете,
И на родимой вы сторонке оставааетесь,
И во своем да во хоромном во строеньице,
И на тесовых своих да на кроваточках,
И на мягкиих пуховых перинушках;
И не зябнут у вас. резвы эти ноженьки,
И не подвiе ветром блёклого ведь личушка!

И на медвяном да вы в доме уеданьце,
И на утехушках ведь вы да на забавушках!
И не забудьте ж вы несчастна добра мóлдца,
И своего да светушка-братца родимого!

Когда бриют лоб, мать вопит:

Быдьте прокляты злодии супостатыи!
Вергай скрбóзь землю ты нехресть вся поганая!
И секите вы кудри поскорая,
И точите вы бритвы повостряя,
И уж вы брййте его да побеляя!
Охти мни, да мне тошнёшенько!
И кабы мне да эта бритва навострёная,
И не дала бы я злодийной этой некрести
И над моим ноньку рождением надрыгаться!
И распорола бы я груди этой некрести,
И уж я выняла бы сердце тут со печенью,
И распластала бы я сердце на мелкí куски,
И я нарыла бы корыто свиньям в мёсиво;
А и печень я свиньям на уеданьце!

Когда забриют, соседка вопит:

Как сегодняшним Господним Божьим денечком,
Во несчастный час, во злу эту минуточку
Уж как прíняли бурлакушков молóдых
Во принёмную палату белокаменну,
И их подбрйли-то уда́лых дóбрых мóлдцев
И во злодийную во службу Государеву!
Тут им дали этих крепких караульщиков,
Да им дядьку становили-то со старшиим;
И тут сводили в Божью церковь посвященную,
И приводили их к присяге вековечной;
И выше гóловы кресты оны вздымали,
И свою стóрону солдаты забывали,
И отца-матушку рекруты проклинали:
«И мы служить будем царю-богу российскому,

И мы стоять будем за веру христианскую;
И мы не сделаем измены в каменной Москвы,
И мы спасти будем Россию подселенную.
Мы оружице держать да на правóm плече,
И саблю вострую держать да во правóй руке!»
И тут повыдали солдатикам молóдым,
Как молóдым солдатам новобранным,
И не по ноженькам сапоженьки козловьи,
И не по плечушкам мондеры сукон серых;
И на головушку им шляпы не пуховьи —
И да им киверы солдатские пудовьи!
И тут соймёт да молодецку вольну волюшку;
И тут повыдадут им ружьица тяжелы,
Их отправят в путь-дорожку незнакомую:
И во поход сошлют удалых добрых молодцев
И как во эти города да не в бывалы,
И дале-дале от родимой от сторонушки!
И оны пойдут путем-широкой дороженькой,
Хоть студёной пойдут да холодной зимой,
И как повыстанут на гору на высокую,
И оны брякнут тут оружием завоённым,
И оны топнут правой белой этой ноженькой,
И споют с горя унылу жалку писенку;
И оны стоячи на горы на высокой,
И вспомянут-то родиму свою стóрону:
«И ты прощай, наша родимая сторонушка,
И ты гульливая сторонка, щегольливая!»
Уже слушайте, солдатики молóдые,
Да вас сбшлют как на чужу на сторонушку,
И наб у буточки стоять да студёной зимой,
И на часах стоять, несчастным, на всеночных;
И от земли да зябнут рэзвы ваши ноженьки,
И от оружица зябнут да ручки белы,
И как от ветра подвеват да блёкло личенько,
И от морозушку сердечко порастрескает
И вы у буточки-то будете похаживать,
И сапог ó сапог ведь вы да поколáчивать,
И с руки нá руку ружье да перекидывать;
И глядеть да вы будете, несчастны,

И выше лесушка глядеть да по поднебесью!
И ты смотреть будешь, солдат, да на светёл месяц
И на э́ты часты́ звезды поднебесныи:
И поскорёшеньку ль светёл месяц закатится,
И часты звездочки в минуточку стеряются ль
И скоро ль свет да ясна зоренька просвётится,
И распечат ли это красное ведь солнышко?
И обогреет ли солдатское сердечушко,
И приоттает ли несчастная утробушка?
И тут вспомните родиму свою стóрону,
И тут сговóрите единое словечушко:
«И лучше были б мы, солдаты, не спорóжены;
И как родитель нас, бурлаков, попустила
И нас не участью-таланом наделила,
И злой несчастной этой службой наградила!»
И не дай Господи на сём да на белóm свете
Уже жить да в грозной службе Государевой:
Как еденьице солдатушкам — сухарики,
Как питемьице им — водушка со ржавушкой.
И вы послушайте, несчастныи головушки!
И как вас со́шлют в безызвестную сторонушку,
Хоть за синее за славное за морюшко,
И как на э́тых на черных бóльших кóраблях,
И буйны ветры в чистом поле развеваются,
И непомерная погода подымается,
И на синём море волна да сколыбается,
И как вода да со желтым песком смешается,
И черны кóраблы ведь в море рокочаються,
И мачты о воду со брызгом ударяются!
И сговорят да тут дядьки им пристаршии:
«И вы идите-тко, матросики молóдыи,
И не страшитесь-ко погоды непомерной,
И поднимайтесь вверх по мачтам по дубовым,
И вы держитесь-ко за снасти за смолёныи,
И убирайте тонки бёлы э́ты парусы!»
И тут сердечушко у вас да приужа́хнется;
И тут вспомните, несчастныи солдатушки,
И вы желанных своих да всё родителей;
И на молитвах оны да вспомянули бы,

И за матросов оны Бога помолили бы!
И столько невесто победным, невестимо!
И поставаете по мачтам по дубовым,
И вы по этым по сна́стям по смолёным,
И с перепóлоху-то сбь́дут белы рученьки
И тут падёте вы во синее во морюшко,
И во этую вы воду во глубокую!
И буде Господи вас Светушко помилует,
И спасет вас Пресвятая мать Богородица,
И на этом на большом да черном кóрабле
И вас прибьет да там ко кру́тому ко бéрежку,
И хоть не к знамым к островам да не к бывалым,
И може, буде вам, несчастным, воля вольная
И как повытти-то на кру́той красной бéрежок!
И ты по бéрежку иди, бедной, тихошенько,
И ты гляди да выше лесу по поднёбесью,
И выше гор гляди, наш светушко, высокиих,
И вровень с облачкой гляди да ты ходячей,
И примечай да перелётну малу птиченьку!
И не гусей гляди, наш светушко, не лебедей:
И гуси-лебеди-то птиченька гордливая,
И на ричах да эта птиченька спесивая,
Высоко да она летит по поднёбесью,
И хоть полётит по родимой твоей родинке,
И на косевчато окошко не рассядется,
И про походных солдат не роскажется!
И ты гляди-смотри, сдвольной белой светушко,
И ты печальну перелётну малу птиченьку
И горегорькую кокошу из сыра́ борá:
И та птиченька ведь е да не гордливая,
И на ричáх- баснях она да не спесивая;
И ты пиши, свет, скорописчатую грамотку,
И ты со чужеей со дальноей сторонушки,
И ты со этых полков да новобранных,
И ты с-за синего с-за славного с-за морюшка,
И ты со бóльшого со черного со корабля!
И упиши, наша скачёная жемчужинка,
И про несчастну свою жизнь да про солдатскую,
И не пером пиши, наш свет, да лебединым,

И не черныма пиши да ты чернилами,
И ты письмо пиши, наш свет, да всё кручиною,
И запечатай ты его да ведь тоскичушкой!
И хоть ты выйдешь, свет, на крутой этот бережок,
И увидашь да перелётну бедну птиченьку
И ты клади да ей под правое под крылышко,
Уж ты эту скорописчатую грамотку;
И мы по этой по разливной красной веснушке,
И мы ходить будем на широкой на уличке,
И мы глядеть будем, горюши, по поднебесью,
И мы смотреть да перелётной малой птиченьки;
И как увидим мы кокошу перелётную,
И воскликать станем мы малу эту птиченьку
И на отдох да на крылечико перёное,
И на рассказ да на косевчато окошечко:
«И ты иди, да перелётна, сюды, птиченька!
И ты откуль летишь, да куды путь держишь,
И со которой ты летишь да со сторонушки
И ты с-за славного ль с-за синего Онегушка,
Ты с-за этого ль океан-да синя морюшка?»
И тут птиченька ко зéни ведь приклонится,
И супротив дому она да приусядется,
И принесет да скорописчатую грамотку,
И тут смахнет да она правым этим крылышком,
И тут уронит скорописчатую грамотку
И супротив наших косевчатых окошечек!
И тут мы возьмем скорописчатую грамотку,
И мы сходим к писарям да хитромудрым,
И рассмотрим да скорописчатую грамотку:
Как тоской да е письмо ведь запечатано,
И с горючмы слезмы с кручинушкой написано;
И прочитаем мы, печальными головушки,
И тут узнаем про несчастного солдатушка,
И про злодийну бедну жизнь да про солдатскую!
И не поставь во гнев, скачёная жемчужинка,
Што понакажу, печальная головушка:
И как служить будешь во службе Государеве,
И ты писать да на родиму свою сторону,
И не уписывай, сдвольной белой светушко,

И нам ведь низких поклонов-челобитцев,
И упиши, наша скачѣная жемчужинка,
И про несчастно горегорькое живленьце!

1 Иде т. е. едет.

2 Прииду см. приеду.

Причитанья Севернго края, собранные Е. В. Барсовым. Том 2. Санкт-Петербург, "Наука", 1997.